

Мой любимый детектив

Елена
Арсеньева

Повелитель
разбитых сердец

Елена Арсеньева

Повелитель разбитых сердец

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Повелитель разбитых сердец / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

Математический закон утверждает: параллельные линии не пересекаются. А в обычной жизни он не действует. Иначе почему три судьбы, казалось бы никак между собой не связанные, – французской аристократки Шарлотты Лепелетье де Сен-Фаржо, милой барышни Татьяны Лазаревой, жившей в Петрограде, и скромной докторши из роддома в небольшом городке Валентины Макаровой – вдруг сходятся в одной точке? Сходятся, чтобы история, начавшаяся во времена Французской революции,...

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

7 июля 200... года,	5
5 января 1793 года,	7
Ночь с 5 на 6 июля 200... года, Нижний Новгород.	10
Ночь с 6 на 7 июля 200... года, автотрасса Москва – Нижний Новгород.	13
Ночь с 5 на 6 июля 200... года,	17
15 сентября 1919 года, Петроград.	21
Ночь с 6 на 7 июля 200... года, Дзержинск.	24
6 июля 200... года, Дзержинск.	30
8 января 1793 года, замок Сен-Фаржо в Бургундии, Франция. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо	36
Ночь с 6 на 7 июля 200... года,	39
Продолжение записи от 15 сентября 1919 года, Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой	44
7 июля 200... года, Франкфурт-на-Майне, аэропорт. Валентина Макарова	48
10 мая 1793 года, замок Сен-Фаржо в Бургундии, Франция. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елена Арсеньева

Повелитель разбитых сердец

*Вы предназначены не мне –
Зачем я видел вас во сне?*

А. Блок

**7 июля 200... года,
Франкфурт-на-Майне, аэропорт.
Валентина Макарова**

Как подумаешь, что всего этого могло б и не случиться, кабы не ворона...

Нет, не так.

Как подумаешь, что всего этого могло б не случиться, не свались на меня лишние деньги...

Всю жизнь пребывала в уверенности, что чем больше денег, тем лучше. Но, помнится, наша старая соседка, которая давно уже отбыла в мир иной, говорила когда-то, во времена реликтовой коммуналки: «Лучше быть бедным и больным, чем богатым и здоровым». Я тогда хихикала: дескать, все перепуталось в ее утомленной жизненным солнцем головушке. Само собой разумеется, что лучше быть богатым и здоровым, но уж никак не наоборот! Однако теперь я понимаю, что бабуля, даже имени которой не сохранилось в моей девичьей памяти, была совершенно права. Именно поэтому, на одну только мизерную пенсию, обуреваемая бесчисленными болезнями, список которых мог бы составить целый медицинский справочник, она и дожила до восьмидесяти пяти лет и умерла, совершенно довольная судьбой. А вот я, вполне здоровая (ноблесс оближ, ведь я все-таки врач, хоть и детский!) и некоторым образом богатая (в кармане почти тысяча, вперемешку в долларах и евро, это же целое состояние, особенно в переводе на рубли!), отнюдь не заживусь на этом свете. Строго говоря, у меня нет почти никаких шансов перешагнуть тридцатилетний рубеж.

И все потому, что накаркала мне благодарная за спасение ворона лишних денег, и довели они меня до беды.

А впрочем, нет. Те несчастные двести долларов, которые я внезапно, неожиданно для самой себя, заполучила как подарок от «птичьего бога» (бойся, бойся данайцев, дары приносящих!), только ускорили процесс. Так или иначе мы бы с *ним* столкнулись. *Он* все равно нашел бы меня. Отнюдь не обольщаюсь надеждой, что *он* смылся бы из России на веки вечные, спасая свою шкуру, которую я могла бы подпалить ему, причем весьма изрядно. То, что я этого еще не проделала, роли не играет и смягчающим обстоятельством не является. Понятно, что этот человек из тех, кто предпочитает не избегать опасности, а устранять их. Еще тогда, при первой встрече (ох, как я надеялась, что она окажется последней!), увидев опасный прищур его глаз и ощутив при этом нечто подобное тому, что, наверное, испытывает человек, которому бритвочкой чиркают по горлышку, я поняла – песенка моя спета. Что из того, что немедленно предприняла все возможные меры по спасению души и тела? Напрасно, напрасно! А ведь я, по свойственной всякому человеческому – и особенно женскому – существу глупой надежде на лучшее будущее, была уверена, что бегство, тем более за границу, – это лучший из всех вариантов. Отсижусь там, вернусь, а тут уже все забыто. И вот вам результат...

Ничего себе, забыто!

С другой стороны, что же еще я могла устроить для собственной безопасности? Потребовать телохранителей? Ну, это чушь. Кому я вообще нужна, да и нет у внутренних, извините за выражение, органов времени и сил охранять дамочек, которые в ненужное время оказываются в ненужном месте. Как просто погибнуть, оказывается! Открыть дверь, когда... А теперь извольте следовать принципу о том, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Какое счастье, что мои родители с Лелькой аж в Новороссийске и этот человек до них ни при каких обстоятельствах не доберется! Вернуться они собирались только к сентябрю. К тому времени он меня, конечно, пять раз прикончит – и, надо полагать, успокоится на достигнутом. Зачем ему моя семья, которой я наверняка ничего не сказала, если этой семьи в Дзержинске не было?

Самое смешное, что я вообще ничего никому не сказала. Только он и понятия об этом, конечно, не имеет.

А ведь я заподозрила неладное, еще когда цыганка заговорила... И потом, конечно, когда Москвитин чиркнул своим ножичком, все стало яснее ясного. Но я ведь как зомби: когда женщина на моих глазах рожает, я запрограммирована первым делом помогать ей и ребенку. И больше ничего для меня не существует. Работа такая. Если бы я спохватилась чуть раньше... Или я все же должна была сообщить в милицию, что видела его? Конечно, должна была, но... но ведь там остался Москвитин! Москвитин тоже его видел и наверняка разглядел лучше, чем я, все-таки тоже какой-никакой, а профессионал. Разница в том, что *он* не видел Москвитина! Он видел именно меня. Ну и Василия...

Василия больше нет. Господи, он убил Василия! До чего мне больно, кто бы только знал! Оттого ли, что раньше при мне никогда не убивали людей и я просто не знала, как это страшно? Или потому, что особенно страшно, когда при тебе убивают хороших людей? А Василий был хорошим человеком, это я сразу поняла, несмотря на то, что мы обменялись с ним всего несколькими словами. Странно: у меня с первого взгляда возникло ощущение, будто я знаю его давным-давно, ну вот просто-таки в один детский сад мы с ним вместе ходили! Обычно я не смотрю на мужчин как на друзей детства, скорее наоборот. Я, как и многие одинокие женщины, живу ожиданием *счастливого случая*, особенно с некоторых пор, а вот при взгляде на Василия я почему-то не представляла себе, каким он мог бы оказаться любовником или даже мужем, а – ну просто смех! – подумала: как жаль, что он не мой брат. Честное слово, мне почему-то всегда хотелось иметь старшего брата. Но... он умер еще до моего рождения. Вернее, родился мертвым. Я узнала об этом случайно: мама обмолвилась, а потом молчала каменно: слишком больно вспоминать, я понимаю. Еще девочкой, а особенно потом, насмотревшись всяких дурацких сериалов, я позволяла себе помечтать: вдруг мой брат остался жив, вдруг в роддоме произошло какое-то недоразумение, вдруг он когда-нибудь откуда ни возьмись появится и скажет:

– Привет, не вы ли Валентина Николаевна Макарова? Я ваш брат Сергей...

Увы, эти самые *недоразумения* в родильных домах происходят куда реже, чем хотелось бы создателям сериалов. Я знаю, что говорю, сама ведь работаю в роддоме.

Ну ладно, Василий никак не мог бы оказаться братом Сергеем, но другом-то мне он вполне мог бы стать.

Но теперь уже не станет. Никогда! Ведь мерзавец с бритвенными лезвиями вместо глаз убил его! И, судя по всему, та же участь ждет меня.

И спасения нет, спасения нет, только и остается мне дрожмя дрожать и вспоминать, с чего это началось, да терзаться размышлениями, что надо было предпринять, дабы все сложилось иначе...

А чтобы все сложилось иначе, чтобы у меня еще было время хоть недельку, а то и месяц пожить на этом свете, мне ни за что не надо было той безумной, сырой ночью спасать ворону!

**5 января 1793 года,
замок Сен-Фаржо в Бургундии, Франция.
Из дневника Шарлотты
Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо ¹**

Какое чудовищное событие! Какие страшные новости! Только что прибыл нарочный из Парижа. Он мчался двое суток без отдыха, загнал коня и сам едва жив. Но что за вести он привез!

Их две. Две вести о смерти. Обе они касаются и Франции, и нашей семьи. Которая из них страшнее? Обе чудовищны. Но если одна наполнит сердца всех благородных людей ужасом, другая заставит их вздохнуть с мрачным облегчением и подумать о том, что справедливость еще есть на небесах, которые, чудится, в последние времена вовсе отворотили свои взоры от нашей несчастной страны.

Мой отец лишился сознания, когда обе эти вести дошли до него. Он человек благородный, но – глубокий старик, и к тому же он – *отец* ...

Я понимаю его. Ведь и я не просто графиня Лепелетье де Фор, аристократка, но и *сестра* . У меня у самой разрывается сердце от того, что я не в силах примирить свое горе с благодарностью небесам. Я оплакиваю проклинаемого... Я ничего не могу с собой поделать.

Но – прочь слезы! Их давно не видел мой верный дневник. Не увидит и теперь.

Вот первая из новостей.

Конвент проголосовал за казнь короля! Наш народ, кинувшийся было от «Vive le Roi!» к «Vive la Republique!», выкрикнул теперь: «Vive la Mort!» ² Это был не единогласный, не дружный крик, однако мой брат был среди тех, кто подал свой голос за убийство государя!

Нет, я не могу поверить. Луи-Мишель! Мой брат!

О боже, но разве не шло все к этому с тех самых пор, как граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо объявил себя «другом народа», подобно Марату, Робеспьеру ³ и другим кровавым чудовищам? Он – человек благороднейшего происхождения! – начал уверять, что правы те, кто сажает аристократов на тележки и отправляет на прокорм к «тетушке Луизе» ⁴. Он вместе со всеми распевал «а îra!» ⁵, и заигрывал с этой жуткой девкой, «амазонкой революции», как они ее называли, Теруань де Мерикур ⁶, и приветливо улыбался «вязальщицам», которые шли за приговоренными к эшафоту, выкрикивая злобные насмешки, и вязали, беспрестанно вязали при этом толстые полосатые носки на продажу, а потом пытались подкупить палача, чтобы тот продал им волосы, остриженные с голов «аристо» ⁷, перед тем, как эти головы скатятся в корзину. Ведь волосы казненного, по мнению этих гнусных простолюдинок, приносят счастье...

Чужая мучительная смерть приносит счастье? Чудовищное представление! Зрители его – чудовища! Мой брат уже давно стал таким же. Чего только стоят эти его безумные проекты национального воспитания детей: всех детей начиная с пяти лет отнимать у родителей и поме-

¹ События, описанные в дневниках членов семьи Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо, – исторические факты.

² »Да здравствует король!», «Да здравствует республика!», «Да здравствует смерть!».

³ Деятели Французской революции конца XVIII века.

⁴ Народное прозвище гильотины, по имени ее изобретателя, доктора Гильотена. Приговоренных везли к месту казни в особых позорных тележках.

⁵ Первые слова революционного гимна «Да будет так!».

⁶ Знаменитая куртизанка, возглавившая движение женщин во время Французской революции.

⁷ Презрительное народное прозвище аристократов в годы Французской революции.

щать в какие-то интернаты, созданные за счет налога на богатых и знатных! За отказ поместить ребенка в интернат родители лишались бы гражданских прав и подвергались штрафам. Дети должны были работать на полях и в ремесленных мастерских, обслуживать себя, ухаживать за стариками. Какая глупость! Зачем мучить несчастных детей и лишать их родительской ласки? Когда я осмелилась сказать брату, что сам-то он ни за что не отдал бы в такой интернат свою дочь, он страшно рассердился и увез свою семью из Сен-Фаржо. Боже мой, я так давно не видела ни милую Аделаиду, ни маленькую, очаровательную Луизу-Сюзанну! Я так соскучилась по ним...

Почему, ну почему я надеялась, что настанет время – и мой брат одумается, спохватится, устыдится себя и того, что он делает?

Теперь это время уже никогда не настанет.

Наш злосчастный король еще только выслушал смертный приговор. Но он жив еще, хотя и недалек тот день, когда он сложит свою невинную голову на гильотине. А приговор над моим братом уже приведен в исполнение!

Я почти не знаю подробностей. Надеюсь, что скоро мы получим более пространные вести о случившемся. Наверное, их привезут те, кто доставит из Парижа тело Луи-Мишеля. Курьер – он человек верный, но недалекий – мог только очень бегло рассказать о том, что творилось нынче в Париже: сначала в зале Манежа ⁸ на Вандомской площади, где проходил суд, а потом и в том ресторанчике Феврье в галерее Валуа в Пале-Рояле. Он говорил, что одиннадцатого декабря под проливным дождем из ворот Тампля ⁹ выехала карета мэра Шамбона, в которой сидел король, одетый, как буржуа, в орехового цвета сюртук и редингот. В карете с его величеством (эти низкие негодяи называли его «гражданин Луи Капет», но мне никто не запретит называть Людовика XVI по-прежнему его величеством!) были сам мэр и прокурор Шоммет. Их сопровождал комендант Сантер с пушками, кавалерией и двойным рядом пехоты. Все взводы с оружием были наготове, усиленные патрули рыскали по соседним улицам.

Сантер ввел Людовика в зал под руку. Из почтительности? Или он боялся, что король – король Франции! – вдруг кинется в бегство, словно какой-нибудь воришка-гамен? ¹⁰ Почтительность, граничащая с оскорблением!

Это был тот самый зал, где ровно год назад наш король принял Конституцию. Тогда все танцевали и рукоплескали. Теперь королю сухо говорят: «Людовик, вы можете сесть». И ему приходится уговаривать Конвент, чтобы королю Франции позволили взять адвоката, хотя это право закреплено в той самой Конституции, которую он принял под давлением этих негодяев, этих мерзавцев... к которым принадлежал и мой брат.

Умолкаю! *De mortuis aut bene aut nihil* ¹¹. Несчастный король! Несчастный Луи-Мишель!

Важный Тарже, стяжавший скандальную славу, защищая кардинала Рогана по знаменитому делу об ожерелье, отказался быть адвокатом короля: он-де старик, ему пятьдесят четыре года! А вот шестидесятичетырехлетний мэтр Троше не отказался. И семидесятилетний Мальзерб вызвался сам, сказав при этом: «Я дважды призывался в совет моего монарха, когда весь мир домогался этой чести, и я обязан ему этой услугой теперь, когда многие считают ее опасной». Для защитительной речи они выбрали более молодого адвоката де Сеза и принялись за изучение пятидесяти семи обвинительных пунктов и ста двух документов.

Настало 26 декабря, среда. Де Сез говорил почти три часа. Его речь, мужественная и обдуманная, могла бы произвести впечатление, когда бы не было все решено заранее. В кулуарах так и гудело: если англичане судили и казнили своего тирана, сделавшись первым из сво-

⁸ Ныне этого исторического здания не существует. Его снесли, когда прокладывали улицу Риволи. Осталась только маленькая табличка на решетке сада Тюильри, напротив улицы Кастильоне, которая обозначает, где именно стоял Манеж.

⁹ Тюрьма в Париже.

¹⁰ Уличный мальчишка, босяк (франц.).

¹¹ О мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.).

бодных народов – презируемые англичане! – то разве Франция, по милости судьбы, не может теперь соперничать с Англией в этом отношении? Может и должна!

Де Сез понимал, что обречены на поражение и он с его попытками защиты, и король. Единственное, о чем адвокат просил, это чтобы не сам Конвент выносил приговор, а чтобы спросили волю народа. Народа, именем которого революционеры учинили в стране кровавый дебош! Увы, в этом адвокату и его подзащитному было отказано. «Вот он, народ!» – прозвучало с высоких трибун обвинения, а затем последовал патетический жест в сторону переполненных рядов для публики.

Кто же занимал те ряды? Разношерстная толпа! По словам нашего информатора, в основном это были простолюдины, отбросы общества, обитатели рынков, мясники в фартуках и с ножами за поясом, черные от копоти угольщики, пьяные санкюлоты в красных колпаках. В первом ряду были оставлены места для герцога Орлеанского и его любовниц. Они приехали в фиакрах, разукрашенные трехцветными лентами и синими и красными перьями. Кузен короля приехал полюбоваться тем, как его родственнику будут выносить смертный приговор.

Но большую часть мест в зале занимали подруги этой ужасной женщины, Теруань де Мерикур, потому что она опасалась, что мужчины побоятся голосовать за смерть Людовика. Как я слышала, эта особа вообще невысокого мнения о мужчинах и признает их годными только для своих развратных занятий, но отнюдь не для серьезных, тем паче государственных дел. Ну что ж, жизнь показала, что эта девка хорошо знает людей...

Писать больше не могу – меня зовут к отцу.

Ночь с 5 на 6 июля 200... года, Нижний Новгород. Валентина Макарова

Ворона возникла в моей жизни в полтретьего некой стылой и сырой июньской ночи. Впрочем, в том июне почти все ночи, как по заказу, были стылыми и сырыми. Разнились они только тем, что я либо просыпалась от крепкого сна у себя дома, либо от сна чисто символического на дежурстве, либо от зыбкой дремы в чужой квартире и в чужой постели. Обычно в случае номер три я осторожно, стараясь не разбудить спящего рядом мужчину, с этой постели сползала и поспешно, чтобы он, не дай бог, не успел открыть глаза и увидеть мою помятую физиономию, всклокоченные волосы и прижатое к груди скомканное бельишко, выкатывалась из спальни. Для бегства имелся весьма уважительный предлог: в восемь начинается пятиминутка в роддоме, где я работаю, но, поскольку находится роддом в Дзержинске, а постель, с которой я сползаю украдкой, – в Нижнем Новгороде, то на дорогу мне нужно минимум два часа, а лучше – два с половиной. И я старалась проснуться не позднее пяти, чтобы еще успеть и кофе выпить, и под душем постоять. Однако тем утром мне пришлось обойтись без душа. И именно в то утро я вляпалась в жуткую историю.

Началось все с того, что едва мы с моим другом сердца отдышались после очень неплохого секса, послышался какой-то странный звук, словно кто-то поскребся в дверь. Я вздрогнула от неожиданности, но мой любезный уложил мою вздернувшуюся – всклокоченную, как уже было сказано, – голову снова на свое плечо.

– Спи, умоляю, – пробормотал он расслабленно. – Я уже больше *ни на что* органически не способен! Хватит на сегодня! Может, утром продолжим?

– Мне что-то почудило... – начала оправдываться я, но осеклась, потому что сердешный друг и сам вздрогнул и приподнялся. Ага, я снова слышу скрежет, и это мне, значит, не чудится. Кажется, кто-то вставляет ключ в замочную скважину.

– Ё-ка-лэ-мэ-нэ... – выдохнул он, мой дорогой. – Господи! Моя жена! Но почему среди ночи?! Она же говорила, что утренним поездом приедет!

– Как – жена? – спрашиваю глупо. – Ты ж разведен!

– Ну да... я сам так считаю и так всем говорю, – бормочет любимый. – На самом деле она уехала к родителям, в Москву. Нет, конечно, мы все время говорили о разводе, но сам процесс... Мы просто не успели, понимаешь? Это такая тягомотина! Я ненавижу выяснять отношения, ты же знаешь.

«Не успели, понимаешь?»! Мы с ним вместе уже три месяца. За такой срок многое можно успеть. Как минимум, сказать женщине, с которой спишь, что не разведен.

Тем временем скрежет ключа в замочной скважине становится все громче. Но дверь не открывается, эта самая невеста откуда взявшаяся жена не врывается в дом, и я знаю, почему: дверь заперта изнутри, ключ остался в замке. Ей не открыть дверь и не ворваться в квартиру.

Спасибо и на том. Иначе что было бы делать мне? В шкаф прятаться? Но шкафа здесь нет. Вернее, он есть, но находится в прихожей. Как раз и столкнешься с мадам нос к носу. Значит – или под кровать лезть, или на балконе спастись. Очень весело!

Но тут ужас ситуации начинает до меня доходить. Ничего веселого нет! Что ляпнул мой перепуганный друг? А ляпнул он следующее: «Почему среди ночи?! Она же говорила, что утренним поездом приедет!» И получается – что? Получается, мой любовник знал, что наутро должна вернуться его жена? Но что в таком случае делаю здесь я?

– Ты почему мне не сказал, что она должна приехать?! – задаю естественный вопрос, и мой милый отводит в сторону свои блудливые глазки.

– Ну, ты ведь всегда убегаешь, – бормочет он, – когда еще нет шести, а «Ярмарка», первый поезд из Москвы, как раз в шесть и приходит. Пока бы она еще доехала с вокзала... Но она, наверное, на проходящем каком-то примчалась, на красноярском или нижнетагильском, а может, на владивостокском...

Впрочем, я еще не слишком озабочена и напугана. Что ж, раз случилась такая неприятность: объявилась практически бывшая жена (они ведь все равно собираются разойтись, а доброе намерение – уже половина дела!), значит, мой друг должен пойти, открыть дверь и объяснить даме ситуацию. Все-таки она – жена практически бывшая. А я – практически будущая. Или даже настоящая. Хотя мы ни разу не говорили о браке, но я здесь ночую минимум два раза в неделю. Можно бы и чаще, но это из-за моей работы, из-за моих суточных дежурств: сутки через двое. К тому же иногда и в собственном доме надо бывать.

Однако сюжет развивается иначе. Любезный друг хватается за руку, стягивает с кровати и начинает таскать за собой по комнате. Несколько мгновений я машинально влачусь за ним по комнате, словно консервная банка, привязанная к собачьему хвосту, и слушаю его торопливое бормотание:

– Нет... нет, здесь ты не поместишься! Она тебя сразу увидит. И сюда нельзя. В шкаф? Но в шкафу ты задохнешься!

И только теперь я начинаю понимать, что он... ищет, куда бы мне спрятаться! Вернее, куда бы меня спрятать.

От жены. От бывшей! Спрятать меня. Настоящую, будущую...

Смотрю на своего друга сердца – и не узнаю его. Где привычная вальяжность? Где небрежная ухмылка? Где непоколебимая уверенность в себе и в своей способности подчинить себе любые обстоятельства, справиться с любой «нештатной ситуацией»? Он обожает такие суровые, мужские, армейские выражения, хотя в жизни не служил в армии – удачно «откосил» от нее в свое время, как и многие иные разумные люди.

А между тем ситуация не столь уж нештатная. Напротив, тривиальная до невозможности и на все лады растиражированная анекдотами. И наблюдаю я что? Какую реакцию дражайшего друга? Да самую что ни на есть тоже тривиальную, ну прямо как в тех анекдотах, – он спешит замести следы адюльтера и как можно скорее спрятать любовницу куда угодно – да вот хоть под кровать!

Раньше я никогда не замечала за моим милым другом умения читать мысли, напротив, он казался мне весьма недогадливым, однако сейчас...

– Скорее! – крикнул друг, пригибая меня к полу. – Залезай! Прячься! Это недолго, я постараюсь быстренько спроводить ее в ванную, а тем временем выпущу тебя.

Выпустит меня из-под кровати?!

От потрясения я словно бы теряю на миг сознание, поэтому не сопротивляюсь, пока мой любовник сгибает меня пополам, потом вчетверо (в смысле, вынуждает встать на карачки) и запихивает-таки под кровать. К скатанному в трубку для летнего хранения ковру. К завернутой в мешковину и пересыпанной отдушками от моли медвежьей шкуре. К огромному старому чемодану. Я смотрю на этот чемодан и вяло благодарю судьбу, что мой любезный не затолкал меня *туда*! Для пущей надежности.

В это время в лицо мне ударяется какой-то ком. Это моя одежда – джинсы и свитерок с завернутыми в них белишком, босоножками и сумкой. Удар приводит меня в сознание.

Я осознаю не только кошмар, но и постыдность случившегося. И как долго, интересно знать, мне предстоит валяться тут, на холодном полу, наблюдая сцену супружеского раздора и ожидая момента, пока мой милый не спроводит бывшую подругу жизни в ванную? А если она не захочет туда идти? Если сразу решит выносить мебель? И первым делом возьмется за кровать?

И вообще, я могу в любую минуту чихнуть и выдать себя.

Тем временем до меня начинают доходить звуки окружающего мира. Я слышу торопливое шлепанье босых ног по полу и голос моего любовника из коридора:

– Иду, иду... Кто там? Это ты, дорогая? А что так рано?

Голос сонный, уютный, мягкий, словно старый, вытертый плюшевый мишка. Словно это и не он несколько мгновений назад был севшим, глухим, почти безжизненным от страха! Быстро же его хозяин реабилитировался! Быстро вошел в роль внезапно разбуженного! А... а это словечко – «дорогая» – оно тоже из текста роли?

Что-то словно толкает меня в сердце. И настолько сильно, что от этого толчка я выметываюсь из-под кровати, крепко-накрепко прижав к себе свое барахлишко, кидаюсь к двери на лоджию, распаиваю ее и выскакиваю вон.

У меня перехватывает дыхание от сырости и ветра, я непроизвольно оборачиваюсь, желая возвратиться в то душноватое, привычное тепло, которое так бездумно покинула. И вижу в щель между шторами, что вернуться мне уже никак невозможно – мой дорогой и его дорогая как раз в эту минуту входят в комнату. И развернувшаяся там мизансцена требует присутствия только двух главных героев. Явление любого статиста стало бы явлением того самого пресловутого «третьего лишнего».

Я смотрю – и не верю глазам. Они не дерутся, не ругаются, не выясняют отношения каким-то другим образом. Они пылко обнимаются и целуются – целуются теми безумными поцелуями, которые отлично умеют изображать киноактеры, но которые почему-то столь редко удается воспроизвести в жизни. Справедливости ради следует сказать: когда туман в моих глазах несколько рассеивается, я вижу, что инициатива объятий и поцелуев всецело принадлежит невысокой, изящной, темноволосой женщине. Так вот она какая, бывшая жена моего будущего мужа...

Тем временем она слегка отстраняется от своего бывшего мужа и начинает стаскивать с него футболку и шорты, в которые он успел облачиться, пока шел открывать дверь. Это она делает быстро и проворно – чувствуется немалый навык. На собственное раздевание времени не тратит: выпрыгивает из джинсов, под которыми нет трусиков и даже символических стрингов, и рушится на кровать, недвусмысленно разведя ноги. Мой – мой! – любовник мгновение стоит над ней, словно любуясь, а в следующее мгновение тоже оказывается в постели, и начинается така-ая скачка, что даже сюда, на балкон, долетает истерический скрип кровати. Такое впечатление, что от этого курц-галопа кровать через секунду развалится и придавит своими обломками скатанный в трубку для летнего хранения ковер, завернутую в мешковину и пересыпанную отдушками от моли медвежьей шкуру, огромный старый чемодан и... еще кое-какой мусор, который там мог оказаться...

Например, меня.

Да что ж, забыл, что ли, бывший муж, что там, под одышливо скрипящей койкой...

И вдруг меня осеняет. Здесь нет ни бывшего мужа, ни бывшей жены. Здесь есть только *бывшая любовница*. И это – я.

Неторопливо одеваюсь, даже не стараясь не производить шума. Потому что совершенно уверена – те двое в койке не видят и не слышат сейчас ничего, и даже лежи я все еще под кроватью и начни чихать громче стада простуженных слонов, это не отвлекло бы их от занятия, к которому, как уверял *мой бывший любовник*, он сегодня органически не способен. Обуваясь, вешаю на плечо сумку, сажусь на перила лоджии – слава богу, что она не остеклена и не зарешечена! – перекидываю наружу ноги, еще какое-то мгновение сижу, вцепившись в перила, и смотрю на тяжелые тучи, прижимающие к земле сырую тьму. А потом подаюсь всем телом вперед, в эту тьму, и разжимаю руки...

Ночь с 6 на 7 июля 200... года, автотрасса Москва – Нижний Новгород. Василий Каширин

– А не пойти ли вам всем в зад? – пробурчал Василий себе под нос, завидев приближающегося к нему гаишника. И это еще очень мягко сказано! В половине второго ночи, на Дзержинском повороте трассы Москва – Нижний Новгород, можно употребить и другие, более сильные выражения, особенно если тебя ни с того ни с сего тормознули у поста ГАИ.

Строго говоря, первым побуждением Василия было не останавливаться. Он наслушался массу страшилок насчет наивных и доверчивых водителей, которые вот так же останавливали свою машинку, повинувшись взмаху полосатого милицейского жезла, а уходили потом с этого места своим ходом, навеки простившись с родимой тачкой и ее грузом. И спасибо, если еще живые уходили, а не были сброшены в придорожную канаву с проломленной головой и раздетые догола. Конечно, сейчас большие дороги стали малость поспокойнее, не то что в эпоху становления капитализма в России на исходе XX века, однако и по сю пору газеты сообщают нам всякие ужастики, которые случаются среди ночи в пути с дальнобойщиками и владельцами дорогих иномарок. Василий не был дальнобойщиком, однако машинка у него была очень классная – почти новый «Лексус» цвета сливы. Мотаются по ночной дороге на таких тачках только при большой нужде. У Василия большая нужда имелаась – его срочно вызвал двоюродный брат Сева Каширин. Сева был босс, Василий – его подчиненный. Спорить с боссом – себе дороже. Пусть он и братан. Вот поэтому Василий и ехал глубокой ночью по криминогенной трассе. Сейчас он был остановлен дорожным патрулем – и не посмел ослушаться.

Можно было, конечно, махнуть мимо поста. Но! Не далее как полмесяца тому назад вышеупомнутый Сева, восседавший за рулем той же самой машины, был остановлен в ту же самую пору на том же самом посту. Бывают на свете совпадения! Сева поздно выехал из Владимира, где его задержали дела, и хотел воротиться домой до утра, чтобы не сходила с ума от страха его молодая беременная жена, которая и вообще-то была девушка нервная, а теперь, после непрерывного четырехмесячного токсикоза, и вовсе ослабела. Ну, стало быть, Сева проигнорировал отмашку полосатого жезла – якобы не заметил, а в действительности подумал о пресловутой возможной опасности на криминогенной дороге – и погнал дальше, однако уже на подъезде к Нижнему был остановлен превосходящими силами автоинспекции и конвоирован напрямиком в отделение. Там ему сообщили, что «Лексус» совершенно с такими приметам и схожим номерным знаком был недавно обозначен в милицейской ориентировке, так что предъявите документы, гражданин, а также извольте лицом к стене, руки на голову, ноги на ширину плеч! Как Сева ни трепыхался, ссылаясь на дружбу с самим мэром, как ни бил на жалость к беременной супруге, как ни умолял стражей закона позволить ему позвонить ей – все было напрасно. Он провел трое суток в «обезьяннике», ну а «Лексус» это время простоял на штрафной стоянке, где с него сняли магнитолу, дорожные чехлы и еще кое-какие прибабасы, а заодно нацарапали на крыле общеизвестное неприличное слово. Слово было отечественного производства, а буквы почему-то английские. Ох и влетело ему потом в копеечку то словечко счистить, а потом покрасить, подобрав колер, чтоб один в один с родным... Не перекрашивать же новую машину целиком!

В те три нелегких дня и три такие же ночи вся Севкина родня (и Василий в том числе) обзванивали морги и прочие столь же приятные места. Василию вдобавок выпала почетная участь утирать слезы Севиной жене и вызывать к ней «Скорую». Смех смехом, а ее даже пришлось в больницу положить, потому что возникла угроза выкидыша! При этом Василия приняли за Лизиного мужа, и врачи ругательски изругали его за то, что он довел бедняжку-жену до

нервного потрясения. Ну а потом семья нашла-таки Севу. Вернее, он сам выплыл из небытия – по истечении трех суток узнику сообщили, что он свободен, как ветер. В ориентировке-то был, оказывается, обозначен вовсе не синий «Лексус», а темно-зеленый «Ровер». И номер, как выяснилось, с Севиным не имеет ничего общего. Так что извиняйте, гражданин, ошибка вышла.

Сева Каширин, несмотря на дружбу с мэром и прочие высокие связи, так и не узнал, в самом ли деле грандиозно лопухнулись стражи порядка, или сыграла свою роковую роль классовая ненависть народа вообще и гаишников в частности к владельцам синих «Лексусов», или ему таким образом указали на место за то, что не подрулил к обочине по взмаху гаишного жезла...

Короче, «Страшная месть», повесть Н.В. Гоголя.

Совершенно понятно, что Сева после этого свой «Лексус» разлюбил, смотреть на него больше не мог и быстренько сплавил тачку двоюродному брату Василию. Разумеется, тот был до одури счастлив, что ему задешево досталась такая машинка. И только сейчас, около рокового поста, Василий вдруг подумал, что, может, этот «Лексус» обладает роковым даром притягивать к себе неприятности.

Но делать нечего. И деваться некуда.

Итак, Василий затормозил, высунулся из окошка и скроил из своего отчаянно зевающего рта некое подобие кривой улыбки в надежде, что приблизившийся к нему гаишник, при некоторой фантазии, узреет в ней радостную готовность ответить перед законом за все уже совершенные и еще только задуманные преступления, как свои, так и чужие.

– Извините, гражданин, ради бога, – сказал высокий узколицый сержант, и Василию почудилось, что он заснул за рулем и видит сон, в котором менты, прежде чем заступить на пост, берут уроки хороших манер. А может быть, он вообще заснул, упоенный этим сном? При чем настолько крепко, что уже даже врезался, спящий, на полной скорости во что-то железное, разбился насмерть и теперь на N-ском километре трассы Земля – Заоблачные Выси его встречает архангел Гавриил? Или там новопреставленных грешников приветствует архангел Михаил?

– Вас как зовут? – не удержавшись, спросил Василий, желая уточнить имя архангела.

– Сержант Кондратьев Эдуард Валентинович, – чутьчку напыщенно представился сержант, и Василий кивнул, уверившись, что жив покуда: архангела по имени Эдуард сыскать на небе было бы довольно проблематично. Строго говоря, у Василия и на земле-то ни одного знакомого Эдуарда не было.

Пока не было. А теперь есть. Сержант Кондратьев.

– У нас тут проблемы, – искательным тоном промолвил Эдуард Валентинович.

Документы Василия он не потребовал, и тот насторожился. Плохо, когда гаишник проверяет документы. Но еще хуже, когда он их не проверяет и заводит с тобой разговоры за жизнь.

– Проблемы?

– Ну да... – Сержант Эдуард наклонился к окошку, чуть ли не влез в него с головой. – Женщина вышла к нам на пост из леса. Представляете?

Василий чутьчку подумал и кивнул. Случались и более невероятные вещи, ой, случались!..

– Ей срочно в больницу надо. А наша «волжанка» сдохла. Бензонасос полетел. Представляете?

На сей раз Василий кивнул с гораздо большей долей неуверенности. Само собой, нелегко вообразить дохлую «волжанку» и летающий бензонасос, а когда и то, и другое принадлежит автоинспекции... Словом, Василий кивнул больше из вежливости и чтобы вовсе не предстать в глазах обаятельного сержанта человеком, лишенным всякой фантазии.

– Отвезите женщину в больницу, идет? – заискивающе попросил Кондратьев. – Проявите гуманизм, а? Там, на самом въезде в Дзержинск, клиника, вам не придется особенно сворачивать.

– Да я вообще-то в Нижний еду, а не в Дзержинск, – заикнулся было Василий, однако Кондратьев повторил:

– Я ж и говорю, что особенно сворачивать не придется. Буквально сразу за чертой города клиника.

Господи, ну и сержант нынче пошел! «Гуманизм», «клиника»... А вот чтобы просто «больница» сказать? Слабо?

«Клиника, клиника», – мысленно повторил Василий довольно уныло, ибо уже чуял, что дело его – именно что клиника! Никуда не денешься, хочешь не хочешь, а придется везти особу, которая ночью шляется по лесам и набредает на пост ГАИ, в больницу. Да и как откажешься, когда к тебе обращаются с таким пиететом?

– А почему вы так уверены, что меня там, в той клинике, примут с этой вашей дамочкой с распростертыми объятиями? – спросил он из инстинктивного желания еще немножко потрепыхаться, прежде чем смириться со своей участью. А что, даже карась трепыхается на крючке, прежде чем плюхнуться в садок рыбака, устланный мокрой травой, откуда он прямоком отправится на раскаленную сковородку рыбацкой супруги...

– Примут, примут! – горячо махнул рукой Эдуард Валентинович. – Вот увидите, что примут!

Василий отнюдь не был преисполнен такой уверенности в безотказности нашей российской медицины.

– Больница-то хоть бесплатная? Или мне придется там кому-то какие-то деньги совать? – трепыхнулся он последний, самый распоследний разочек, получил в ответ очередное горячее заверение сержанта Эдуарда, что более бесплатной больницы не сыскать ни в Нижегородской области, ни в России, ни вообще в Галактике, и с тяжким вздохом снял блокиратор с задней дверцы. И буркнул:

– Ладно, давайте вашу женщину.

– Сейчас, сейчас... – суетливо забормотал Кондратьев, бросаясь к освещенному домику автоинспекции и от поспешности запинаясь нога за ногу.

«Е-мое! – тоскливо подумал Василий. – Вот же гуманист нашелся, а?! И чего так выплясывает вокруг этой бабы? А впрочем, при чем тут гуманизм... Наверняка просто хочет избавиться от докуки. И вот нашел козла отпущения, меня тут принесло...»

Из темноты медленно вышел Кондратьев, осторожно ведя под руку грузно ступавшую высокую женщину.

Одного мгновения хватило Василию, чтобы понять, отчего Эдуард Валентинович был именно что *обуреваем желанием* как можно скорей избавиться от ночной незнакомки. Это была цыганка! Самая настоящая цыганка – во множестве юбок и с длинными черными косами! В следующее мгновение Василий понял, отчего сержант был так уж уверен, что ее непременно возьмут в больницу сразу и без малейшей проволоочки: цыганка была беременна, и многочисленные юбки нелепо топорщились на ее высоком, непомерно раздутом животе. При ходьбе она то и дело сгибалась и замирала на мгновение, словно не в силах идти дальше, хваталась то за поясницу, то за живот...

Уж на что недолгим было общение Василия с дамами в интересном положении, но тут и он, при всей своей неопытности, понял: если цыганка не родит своего цыганенка в его машине, это будет настоящим чудом.

Из раздела «Происшествия»
газеты «Губернские ведомости»

Минувшей ночью на автодороге Москва – Нижний Новгород вблизи поворота на Дзержинск совершено разбойное нападение на пост дорожной инспекции. Убиты находившиеся на ночном дежурстве сержант Кондратьев Э.В. и прапорщик Гридя Н.К.

Расследование преступления взято на особый контроль. Наш источник в пресс-службе областного УВД сообщает, что отрабатывается версия злого хулиганства, а также версия, связанная с профессиональной деятельностью убитых.

Ночь с 5 на 6 июля 200... года, Нижний Новгород. Валентина Макарова

Падаю с балкона я недолго. Может, полсекунды, а может, и того меньше. Мой бывший любовник живет на первом этаже. То есть покончить с собой из-за разбитого сердца мне совершенно не грозит. Мои каблуки довольно громко щелкают об асфальт, но это меня уже несколько не беспокоит. Я бегу по дорожке в обход дома, на улицу Белинского. Там около хозяйственного магазина горит фонарь, и я задерживаюсь рядом с ним, словно пытаюсь согреться в холодном люминесцентном свете.

Странно – особенного потрясения я не испытываю. Если меня ощутимо трясет, то это от ночного холодка и с недосыпа. Да еще во рту горько, словно меня только что рвало желчью – токсливой и горькой желчью неизбежной и вечной разлуки.

Лгут люди, когда поют песни на тему «А любовь не проходит, нет!». Проходит *все*, это я теперь знаю доподлинно!

Любовь? Проходит? Но приходила ли она вообще? А был ли мальчик-то? Может быть, никакого мальчика-то и не было?..

Не исключено.

Мне вдруг становится стыдно стоять под ярким светом магазинного фонаря. В этом есть что-то невыносимо театральное, это словно бы какая-то мизансцена из Теннесси Уильямса. Срываюсь с места, пробегаю по улице полквартала, перехожу улицу и лечу через сквер к автобусной остановке. Сейчас на маршрутку – и на вокзал, там на поезд – и скорей в Дзержинск, в больницу. Хоть бы на дежурство не опоздать, мои проблемы – это мои проблемы, из-за них никто страдать не должен, ни больные, ни коллеги...

Какое-то время я нетерпеливо вглядываюсь в темноту, ожидая маршрутку и игнорируя многочисленные такси, которые притулились под большими часами и напоминают голодных зверей, затаившихся в засаде. Выбрасывать деньги на то, чтобы побыстрее доехать до вокзала, не хочу. Я сейчас нахожусь на стадии постоянного накопления капитала, потому что в скором времени мне деньги понадобятся, и чем больше их будет, тем лучше. Тем паче я и без такси успею к своей электричке. Первой маршрутки мне осталось ждать совсем недолго... Я бросаю взгляд на большие часы, водруженные посреди площади, и столбенею, сообразив, что ждать мне ее предстоит два с половиной часа. И только тут я осознаю, что вокруг меня не запоздалое утро, а глухая, полно-правная ночная тьма.

Ну да, конечно! Даже продавщицы цветов, ранние пташки, еще не вышли к своим фанерным, сейчас плотно закрытым ларям, водруженным на парапет, окаймляющий остановку. И вообще народу на улице – практически никого. Сидит невдалеке только нахохленная бабка в огромной «аляске» и дремлет над несколькими пачками сигарет и мешком с семечками, стоящим под боком. Да вон еще какие-то неопределенные фигуры – расстелили прямо на парапете и на асфальте картонки, прилегли на них, скорчившись, уложив головы на жуткие сумки, и подремывают, окруженные жмушми к ним бродячими псами. Ночная идиллия... Ужас какой...

Я растерянно отворачиваюсь, совершенно не представляя, что теперь делать. Не назад же возвращаться! На миг возникает в воображении картина, как я все же возвращаюсь и начинаю звонить в знакомую дверь на первом этаже, и темпераментная брюнетка возмущенно поднимает всклокоченную голову с того самого крутого плеча, где последние три месяца лежала моя всклокоченная голова... Нет уж, лучше оставаться в компании бомжей и собак!

Словно почуяв мои мысли, одна псина поднимается и трусит ко мне. Внимательно осматривает, обнюхивает. Я глажу ее. И думаю: не родилась еще на свет собака, которая решилась бы меня укусить. Правда, несколько лет назад мой любимый Бобкинс на даче тяпнул слегка за ладонь, но не укусил, а просто оцарапал. Его можно было понять: ведь я в это время вылила чуть не полсклянки йоду на его шею, в трех местах жестоко порванную клыками какой-то очень зубастой псины. Ну, я залила свою царапину тем же самым йодом и продолжила санобработку его боевых ран, только и всего.

Собака внимательно вглядывается мне в глаза, а потом поворачивает лобастую голову к скверу, откуда я только что пришла, и довольно громко тявкает, – такое ощущение, призывает меня поглядеть в ту сторону.

Я тоже поворачиваю голову и различаю в довольно ярком свете фонарей, понатыканных в аллейке там и сям, еще одну псину, которая весело гоняет что-то по газону. Ворох какого-то растрепанного тряпья. Странно, впрочем: с чего вдруг тряпье время от времени вскрикивает истощным хриплым голосом?

Бог ты мой! Да ведь никакое это не тряпье! Это ворона!

Птица небольшая – наверное, еще совсем молодая. Почему она не улетает? Еще не умеет? Или крыло повреждено? Или просто никак не может отбиться от собаки?

Тут я обнаруживаю, что уже стою на газоне и кышкаю на веселую псину, которая явно не желает расставаться со своей игрушкой. Уговариваю ее так и этак, но она не уходит. Поднимаю палку – хотя это и противоречит моим принципам! – и тут собака наконец отбегает, обиженно оглядываясь на меня.

Однако отбегает недалеко. И стоит мне только сделать несколько шагов от вороны, как собака стремглав кидается назад, желая занять прежние позиции и вернуться к прерванному занятию.

Снова кышканье с моей стороны, снова демонстрация силы. Собака отступает.

Ворона сидит на земле и выдавливая из широко распахнутого клюва какие-то хриплые, запыхавшиеся звуки.

– Ах ты, бедолага, – говорю я, – намучилась?

Она издает нечто, очень напоминающее «Аг-га!».

Что же мне делать? Уйти и бросить эту страдалицу на съедение псине я не могу. Веселая дура ведь не уймется, пока не загоняет ворону до смерти. Не домой же мне птицу везти! Ага, в Дзержинск, на улицу Матросова, третья линия, дом шесть. Вот цирк будет...

А не предоставить ли злополучную ворону ее собственной судьбе? Но я тотчас вспоминаю, как та, другая собака подошла ко мне и вежливо *попросила* обратить внимание на неразумное поведение своей подружки. Ну не могу же я не оправдать возложенных на меня надежд! Мой незабвенный Бобкинс этого не одобрил бы...

Я задумчиво смотрю на ворону. Крылья вроде в порядке. Может быть, птице надо просто передохнуть? И, кажется, я знаю, где. Здесь я видела одно приметное дерево...

Да вот оно! Ствол его с развилкой чуть выше человеческого роста, а в развилке что-то вроде удобной седловины. Птица сможет и постоять, и полежать. Наберется сил – и полетит, куда ей надо. Сейчас я ее поймаю, посажу...

Легко сказать, да трудно сделать. Несколько минут я бестолково гоняюсь по скверу за вороной, которая шипит, и кряхтит, и мечется туда-сюда, норовя клонуть меня за руки. Ну и балда! Отчего ж это безошибочные животные инстинкты не подсказывают ей, что я не враг, а друг?

Наконец я нагоняю ворону, бесцеремонно цапаю ее и водружаю на дерево.

– Тихо сиди! – грожу на прощание пальцем и выбираюсь из довольно-таки грязного месива, которое представляет собой газон.

Молодая собака, завидев, что я ухожу, стремглав кидается обратно, на то место, где недавно возилась со своей живой игрушкой. Я злорадно наблюдаю, как она бестолково мечется туда-сюда. Ворона исчезла! Очень скоро псина с этим смиряется и убегает куда-то. Я перехватываю одобрительный взгляд той, другой собаки.

– Ну что ж, спасибо тебе, – слышу хриплый голос. – Небось птичий бог тебя вознаградит!

Требуется как минимум минута, чтобы до меня доехало: это отнюдь не моя знакомая собаченция выразила свое одобрение человеческим голосом, а заговорила тетка с семечками и сигаретами.

– Серьезно? – смеюсь нервически. – Вознаградит? И как же, интересно?

– Ну, откуда ж мне знать? – пожимает необъятными «алясочными» плечами тетка. – Либо в любви повезет, либо деньжат привалит. Это уж ты сама решай, что тебе ближе к телу.

Интересная формулировка! А в самом деле, что мне «ближе к телу»? В любви уже «повезло» – и этого довольно, спасибо большое. Деньжата... Вопрос для меня чрезвычайно острый. Неплохо бы заполучить их энное количество. Сколько бы ни отвесил «птичий бог», за все буду чрезвычайно признательна. Чем больше, тем лучше, конечно.

Да, подруга, а ты, кажется, еще большая дура, чем спасенная тобой ворона, не сразу распознавшая во мне спасительницу. Учит тебя жизнь, учит, а ты все веришь в сказки. То про сказочного принца, то про сказочные сокровища. Насчет принцев тебе теперь все ясно. Осталось выяснить про сокровища!

Странно. Привычная ирония – моя личная, персональная «Скорая помощь»! – на сей раз не помогает. Отчего-то светлая мысль про «деньжата» меня чрезвычайно тешит. В жизни всегда на каждое «да» находится какое-нибудь «нет». И наоборот. «Нет» я уже выслушала сегодня. Пора услышать «да». Общеизвестная истина гласит: не везет в картах, повезет в любви. А как насчет обратного? Не проверить ли мне это прямо сейчас?

А где? Да где угодно! В непосредственной близости от меня имеются целых три местечка, где можно проверить мою шальную мысль, – «Гудок», «Алекс» и «Пикассо», а чуть ниже, на Ковалихе, крутейший «Джордан». Это ночные клубы, казино и, кажется, даже стрип-бары. Ну, последнее мне вообще-то без надобности, я уже наблюдала сегодня тако-ой стрип! А вот казино... Казино, казино, черное и красное, чет и нечет, высокомерный крупье... делайте ваши ставки, господа...

Хотя в этих местечках ставки небось в твердой валюте положено делать, а у меня в кошельке всего сто двадцать рублей. Двадцать – на дорогу в Дзержинск. Сотня... А что, на сотню я могу позволить себе поиграть с судьбой. Если «птичий бог» и впрямь выдает гонорары за спасение своих подопечных, то рискну, пожалуй. Только надо найти местечко поскромнее. Я, правда, не знаток игорных заведений...

Стоп! Есть такое местечко! Оно находится на Покровке, работает круглосуточно. «Супер-слотс» называется. Примерно полгода назад я туда забрела вместе с одной веселой компанией. Правда, тогда никому, в том числе и мне, не повезло. Повезло одному только парню по имени Гоша. Но про него не зря говорят, что у него рулетка вместо сердца и спиннинг вместо одного заветного местечка. Ему жутко везет на рыбалке и в карты! При этом насчет любви он тоже не обделен – у меня такое впечатление, что все окрестные девицы и даже дамы моментально шалеют при взгляде в его черные глаза. В свое время меня тоже не обошло пагубное поветрие всеобщей любви к Гоше, правда, я отделалась легким испугом. Вовремя поняла, что Гоша – это та крепость, штурмовать которую бессмысленно. А у меня нет времени на безнадёжную любовь. Я уже вышла из того возраста, и моей дочери нужен отец.

Да-да, у меня есть дочь. Я вроде бы уже говорила? Или нет еще?

Ей четыре года, зовут Лелька. Оля, Ольга Викторовна Макарова. Сейчас она с моими родителями в Новороссийске...

Короче, в тот прошлый раз в «Супер-слотсе» госпожа Удача ласкала только Гошу. Ну что с нее взять, она ведь всего лишь женщина, вот и не осталась равнодушна к его невероятным черным глазам! Но местечко мне очень понравилось – прежде всего тем, что там никому ни до кого нет совершенно никакого дела. И вместо крупье, высокомерный подбородок которого подпирает пижонская «бабочка», – демократичная электронная рулетка. Давишь пальчиками на цифры, на которые хочешь поставить свои деньги, вот и все.

Решено! Вперед в «Супер-слотс»! Все равно мне больше некуда сейчас податься.

Я перебегаю площадь, но внезапно оборачиваюсь: такое ощущение, что кто-то внимательно смотрит мне в спину.

Так и есть! Смотрят. Во-первых, та тетенька в «аляске», сидящая в обнимку со своим мешком. Во-вторых, две собаки – мои знакомые. Одна – постарше – смотрит одобрительно, вторая – молодая дура – обиженно. С каким выражением глядит на меня ворона, отсюда не видно, однако в том, что и она сверлит мне спину своими малюсенькими глазками, я не сомневаюсь! Ну а с небес, надо полагать, взирает на меня «птичий бог», словно благословляя мою эскападу...

Всем известна старая истина: «Не делай добра – не наживешь себе зла». Ведь если бы не ворона... Если бы не эти дурацкие разговоры о благодарности «птичьего бога», я бы ни за что не пошла в «Супер-слотс».

Ну кто не знает, что азартные игры до добра не доводят? Все знают, но мало кто этому верит.

Поверьте! Ох, поверьте моему печальному опыту и никогда, никогда не садитесь играть.

Если хотите подольше пожить на белом свете...

15 сентября 1919 года, Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой

Я ошиблась? Или это впрямь была она? Та самая, с перьями в волосах и в рыболовной сетке вместо платья? Как же ее звали, бог ты мой...

Бедный мой дневник, чего тебе только не приходится терпеть, какими только сумбурными записями не пестрят твои страницы!

Но сегодня такой кошмарный день, что беспорядочность мыслей извинительна. Впрочем, попытаюсь все же писать по порядку.

Только что вернулась домой, и сил нет ни на что, только сесть и записать развязку той трагедии, которая разворачивалась на моих глазах и завершилась нынче. Даже есть не могу, так потрясло меня случившееся. Хотя чего иного, какого еще исхода можно было ожидать для полковника, заключенного в Предварилке? А для всех остальных? В том числе и для моего несчастного брата, которому я ношу сухую пшеничную кашу, черный хлеб да иногда – очень редко! – две наполовину мясные, а наполовину хлебные котлетки, и это такая несусветная роскошь...

Я бывала в приемной Предварилки еще раньше, девочкой. «В старое время», как теперь принято выражаться. Мы ходили туда с моей тетей Лидой, младшей сестрой мамы. Лида (чаще я звала ее Лидусей) была курсистка, в Предварилке бывали заключены ее друзья-студенты, «возмущавшиеся» против правительства. Они ненадолго попадали сюда за участие в демонстрациях или за хранение и распространение нелегальной литературы. Как-то раз угодила «в лапы сатрапов» и Лидуся. Правда, до тюрьмы дело не дошло. У нее и еще нескольких барышень-курсисток и молодых людей, студентов, просто отобрали на время студенческие билеты. Помню, в канцелярии на Гороховой один из «сатрапов» – усатый жандарм, совсем не злой, а просто очень усталый, – ворчал:

– Что ж, молодые господа, неужто делать вам больше нечего, как только жизни себе ломать? Вот погодите, дома влетит вам от родни! Папаша с мамашей небось на вас не надышатся, небось последние деньги отдали на вашу учебу, а вы фордыбачите. Чем вам не мила власть, в толк не возьму? Что ж лучше-то может быть?! Ладно, возьмите билетки и подите учитесь, а больше в политику не лезьте, не то пробросаетесь жизнями-то!

Усатый жандарм как в воду глядел. Пробросались мы, ох, пробросались! Все изменилось, а уж Предварилка-то... В приемной, где раньше собиралось человек пятнадцать-двадцать, теперь густая толпа – соответственно количеству тюремного населения. В камерах, рассчитанных на восемь человек, теперь по пятьдесят заключенных с лишком. А узники – те же студенты и курсистки, только повзрослевшие, постаревшие, прокливающие заблуждения своей молодости, которые довели их и Россию до того жуткого безвременья, кое мы переживаем и конца коему ждем. Ждем, но уже вряд ли верим в возможность перемен. Они, эти глупенькие, наивные друзья Лидуси, считали для себя честью «пострадать за народ». Он-то, народ, и отблагодарил их нынче!

Но вернемся к Предварилке. Помню, тетя Лида приносила своим друзьям-«политическим» в Предварилку жареных рябчиков, конфеты от Беррини и цветы от Эйдерса. Все это она, курсистка, вполне могла себе позволить, хотя жила своим трудом, без помощи родителей: эмансипе! Я же теперь, недоучившаяся акушерка, с азартом продаю портьеры, меховые воротники и бабушкино серебро, а в результате могу позволить себе принести брату только жалкий горшочек пшенной каши. Порцию для воробья, да и то – воробья несовершеннолетнего! А ведь мой любимый брат – взрослый, крупный мужчина...

Впрочем, Костя не жалуется. Недавно ему удалось через охранника передать мне письмо, в котором он уверял, что не голодает и даже делится едой с товарищами, потому что у них в тюрьме образован своего рода комитет, который следит за тем, чтобы все были хотя бы относительно сыты. Это случилось три месяца назад, когда был арестован и заключен в Предварилку полковник Борисоглебский. Он оказался в той же камере, где находится Костя, и вскоре узники выбрали его своим представителем. Он-то и придумал создать комитет защиты прав (ну какие могут быть права в Предварилке, их и по всей России-то нет!). В общем, появился комитет защиты заключенных. Теперь члены комитета вместе с тюремными служащими принимают передачи. В тюрьме, писал Костя, много лиц, которым никто ничего не приносит, поэтому постановили, что треть всего приносимого с воли идет им. В этом распределении участвует и господин полковник Борисоглебский.

Наверное, это чудесный человек. Наверное, это был чудесный человек... Я не знала его. Но я успела немного узнать его жену.

В стене проделано окно, через которое передают на тюремный двор, служителям и членам комитета, передачи. Происходит это по пятницам, и каждую пятницу я видела около окна женщину. Мне с первого взгляда почудилось, будто я ее откуда-то знаю. Стала присматриваться, но никак не могла вспомнить. Однако я любовалась ею. Она такая молоденькая, лет двадцати, никак не больше, и необычайной красоты: черты точеные, изумительные фиалковые глаза, пушистые кудрявые локоны. Правда, щеки ее бледны, а губы напряженно сжаты, но иногда они распускаются в улыбке, словно цветок.

Благодаря улыбке я и вспомнила, где видела ее прежде – в шестнадцатом году, в доме княгини Юсуповой на Литейном. Говорят, этот самый дом был описан Пушкиным в «Пиковой даме». Именно там якобы прятался на черной узенькой лестнице обманувший Лизу Германн, оттуда он увидел сквозь приоткрывшуюся дверь спальни портрет красавицы с аристократической горбинкой тонкого носа, с мушкой на щеке и в пудренном парике. Портрет той самой графини, к которой был равнодушен сам великий магнifikатор Сен-Жермен и которой он открыл три заветные, беспроигрышные карты: тройка, семерка, туз... Теперь в особняке Юсуповой проводили литературные вечера самого разного свойства. За несколько дней до этого чествовали память умершего десять лет назад писателя Гарина-Михайловского, сегодня выступали футуристы... Мы с Костей, помнится, тоже получили пригласительные билеты, но по милости моего рассеянного брата опоздали, явились чуть ли не к самому разъезду. Главный герой вечера, знаменитый поэт, уже провозгласил свое коронное:

– Я, гений Игорь Северянин, своей победой упоен... – и отбыл блистать в какой-то другой дом, да и прочие поэты уже все отчитали свои стихи, остались лишь две молодые девушки.

Мы вошли, когда одна только что закончила декламацию и склонила голову под аплодисменты. Она была прелестна – ну сущий ангел с фиалковыми глазами и в облаке пушистых кудрей. Рот ее напоминал бутон мальвы. Она улыбнулась – цветок распустился. Изумительная, неповторимая улыбка. Благодаря ей я и узнала милую женщину, которая неотступно дежурила у окошечка в тюремной ограде.

Помнится, тогда, у Юсуповой, с ней рядом стояла еще одна девушка – маленькая, едва достававшая подруге до плеча, черноволосая и черноглазая, не то еврейского, не то цыганского, не то итальянского типа, тоже красавица, но красота ее была явно отмечена тенью порока. Все футуристы на тот вечер явились одетыми не как люди: на одном фрак был вывернут наизнанку, на другом фрак был как фрак, зато вместо черных брюк – полосатые кальсоны. И это еще хорошо: рассказывали, что они как-то раз во главе с этим безумным Бурлюком прошли по улицам Петрограда совершенным голышом, зажав в зубах сигары!

Красавица с фиалковыми глазами была одета, можно сказать, нормально, если не считать, что одна половина ее платья была синяя, а другая – зеленая, один чулок черный, а другой темно-желтый. Туфельки, правда, были одинаковые: голубые. Но весь этот цветовой раз-

нобой к ней странным образом шел, настолько прелестна и гармонична была она сама. А вот ее подруга... Густые волосы распущены, в них тут и там воткнуты птички – кажется, даже петушья! – перья, черные и алые, а худенькое, словно бы полудетское тело обмотано серой рыболовной сетью. Под ней явно не было *ничего*. Я видела – *я сама это видела!* – как сквозь ячейки сетки торчали соски, сильно подкрашенные алой краской. Где-то читала, что подкрашивать кончики грудей было в обычае у Клеопатры и греческих гетер. Благодарение богу, моя работа приучила меня спокойно относиться к созерцанию нагого тела или его отдельных частей. То есть я смотрела на черноволосую особу снисходительно, чего не скажешь о других. Выглядела она в этом фешенебельном особняке вызывающе-неприлично, и все собравшиеся, даже дамы, глаз не могли оторвать от этих торчащих сосков и вряд ли слышали даже стихи, произносимые высоким, чрезмерно тонким и резким голосом футуристки:

А на солнце – твой лик в разметавшихся змеях...
Тьма нисходит с небес, наготы алчет, просит и жаждет
земля.
Так отдайся же мне, будь раскованной, страстной
и смелой.
Ты и я, ты и я, ты и я...

Потом что-то было про мимозу: мол, душа поэтессы так же нежна и чувствительна, как мимоза, и сжимается от «ветра злобы, что веет меж людей». Толком я ж не запомнила. Да и эти строки непременно забыла бы, когда б не записала их еще тогда в своей дневниковой тетрадке. Я нарочно нашла запись о том дне. Вот она:

«Были с К. у Юс. на чтениях фут-в. Бред и чушь. Хор., что опозд. Одна
ф-ка – улыбка, будто цв. Др. – пошл. гетера. Стихи тоже пошл.» .

И далее записано это четверостишие.

Смешно – тогда мой дневник пестрел сокращениями, я старалась писать как можно короче, словно куда-то постоянно спешила. И в самом деле, у меня никогда ни на что не хватало времени, я вечно опаздывала, старалась успеть везде: и на службу, и на курсы, и на уроки танцев, и на все литературные вечера, и на выставки, и в библиотеку, и еще старалась помочь Косте выполнить задания...

Куда мы все спешили? Зачем торопили время, словно бы гнали его вскачь? Только теперь стало понятно, что жить в те последние нормальные, *человеческие* годы надо было как можно медленней, чтобы время не сжималось, а, напротив, рас-тя-ги-ва-лось, словно струйка густого золотистого меда, неспешно стекающего с серебряной ложки...

Как глупо. Стоит мне начать вспоминать о прежнем, и я плачу, словно последняя истеричка!

Не могу больше писать.

Ночь с 6 на 7 июля 200... года, Дзержинск. Василий Каширин

Вот именно об этом он и молился всю дорогу: чтоб цыганка не разродилась в машине. И не представлял, что станет делать, если это все же случится. Изредка взглядывал на нее, боясь увидеть, что – *началось* .

Пока ничего, впрочем, не начиналось. Она как села на переднее сиденье («Лексус» машинка не тесная, вот уж нет, однако даже в «Лексусе» на заднем сиденье не поместился беременный цыганский живот), так и сидела, выпрямившись, словно кол проглотила, пристально уставившись вперед, на дорогу. Стонать и причитать перестала, только изредка протяжно вздыхала и, кажется, скрипела зубами. В эти минуты Василию было особенно жалко ее. Поскрипишь тут, наверное!..

«Лексус» – он по хорошей дороге километры жрет только так, а вот по колдобинам, как те, которые сейчас были под колесами, таскаться не выучен. Иногда случались такие подскоки, что цыганке изменяла ее выдержка и раздавался глухой стон. Тогда Василий покрывался ледяным потом и отчаянно скашивал глаза: не начались ли уже схватки или, чего доброго, преждевременные роды?

Но цыганка, с заострившимся носом, по-прежнему сидела прямо и тискала длинными смуглыми пальцами подол. Подол был линиялый, а пальцы – довольно красивые, с изящными ногтями, совсем даже не грязные. Цыганка эта вообще производила впечатление большой аккуратистки. Волосы не распущены абы как, а заплетены в две тяжелых ровных косы. Руки, как уже сказано, чистые. Ноги не босые, а в потертых кроссовках. Диковато смотрелись эти кроссовки рядом с ворохом юбок, да ладно, чего от ромалэ ждать, потом не разит от нее, да и ладно. Василий потных баб на дух не переносил, считал их позором женского рода. Эта была не потная.

Он все чаще на нее косился. Опыт общения с цыганками у него был невелик. У его сестры Маши одна такая вот многоюбочница полтора года назад выманила все деньги, предназначенные на квартплату за два месяца, но, с другой стороны, сестрица Василия от рождения самая настоящая Маша-растеряша. Порою и к Василию приставали цыганки с просьбой дорогу показать (это у них уловка такая, всем известная: начнут с того, что дорогу спрашивают, а потом деньги клячат, про разбитое сердце твердят и предлагают погадать «на судьбу»), и тогда он вежливо отвечал, что нездешний и никакой дороги не знает. Отчего-то после этого цыганки от него отставали. Словно у приезжего не может быть разбитого сердца и «судьбы», на которую надо гадать!

Словом, с цыганками у Василия были отношения вполне безоблачные, однако рядом с этой беременной особой он чувствовал некоторую опаску. Чем больше смотрел на нее, тем больше напрягался: в цыганке было что-то неестественное. В ее молчаливости, в ее выдержке. Она должна вести себя совсем иначе! Корчиться, громко стенать, выдавливая сквозь стиснутые зубы какие-нибудь невнятные цыганские слова. Скандалить, просить ехать побыстрее или, наоборот, не гнать. В конце концов, предлагать ему погадать, что ли! Она же молчала, словно... словно партизанка в лапах врага. Будто Василий вез ее на расстрел, а не в роддом! У нее даже лицо как бы усохло от напряжения, от невероятных усилий сдерживаться. Профиль стал горбоносим, каким-то мужским, губы поджались в ниточку.

Или ему все это чудилось? Ну что, в конце концов, он знал о цыганах и цыганках? Разиков двести выслушал легендарный Маруськин рассказ о квартирных деньгах, романтическую повесть М. Горького «Макар Чудра» в юности читал да еще смотрел кино «Табор уходит в небо». В повести и в фильме была цыганка Рада с чрезмерно развитым чувством собственного

достоинства. Именно это чувство и довело ее в конце концов до смерти. Так, может быть, причина каменного молчания пассажирки тоже чрезмерно развитое чувство собственного достоинства?

Ну, ребята...

Он ехал и уже прямо-таки молился, чтобы попытка присутствием этой женщины в его машине поскорей кончилась. Однако сержант Кондратьев наврал: роддом – обещанная сержантом клиника – вовсе не находился «на самом въезде в Дзержинск». Раз три Василию приходилось сворачивать к допотопным киоскам – на заре демократии такие зарешеченные железяки назывались «комками», в Нижнем их все давно поносили и поставили на их месте хорошенькие мини-маркеты, а здесь, в глубинке, они все еще маячат, словно призраки прошлого, – и спрашивать дорогу. Потом он все же отыскал будочку автобусной остановки с надписью: «Магазин имени Свердлова» (при чем тут вообще Свердлов, ради Христа?!), практически напротив которой, по словам аборигенов, должен был находиться роддом, однако это «практически напротив» оказалось понятием весьма и весьма растяжимым. Но вот наконец в свете фар мелькнули два двухэтажных дома, соединенные длинным переходом, и Василий понял, что прибыл на место. И не только сам прибыл, но и свой опасный груз доставил. В целостности и сохранности!

– Интересно, где тут у них приемный покой? – проворчал он себе под нос, вглядываясь то в одно здание, то в другое.

Никакого путеводного огонька. Никакого светящегося табло. Дежурные сестры и врачи спят небось без задних ног, и свет в приемном отделении погасили. Он уже хотел дать сигнал, да погромче, чтобы разбудить безмятежно дрыхнувших спасителей человечества, но спохватился, что заодно перебудит ни в чем не повинных мамаш с их детишками, и убрал руку с сигнала. Заглушил мотор, открыл дверцу. Полуобернувшись к цыганке и предупредил:

– Не волнуйтесь, я сейчас выйду поищу, где тут у них приемный покой. Разбужу, если спят. Потерпите еще минуточку, ладно?

Сначала он хотел в шутиливой форме как-то выразиться на «цыганскую» тему: не вздумай, мол, тут что-нибудь стибрить, но увидел, какие тени залегли под глазами женщины, как позеленело и вспотело ее лицо, и решил не шутить так глупо. Правда, все же выдернул ключ из замка зажигания да барсетку с мобильником, документами и деньгами прихватил с собой. Береженого бог бережет! «А магнитола она все равно снять не успеет, – решил Василий. – К тому же ей сейчас наверняка не до магнитолы».

В барсетке у него еще был электрический фонарик – маленький, но очень сильный. Василий таскал его с собой, потому что у них во дворе был такой перекореженный асфальт, что черт ногу сломит. И пока идешь от стоянки до подъезда, раз пятнадцать оступишься без фонаря-то.

Здесь тоже дорожка была – умереть не встать. Василий посвечивал то себе под ноги, то на стены зданий. Разглядел притулившуюся к каким-то дверям кучу угля и даже ахнул, не поверив в первую минуту глазам. Вот куда заехал – здесь еще кочегарка, в этом допотопном родовспомогательном заведении! Углем топят! Полная Тмутаракань, такое впечатление, что прямо за стенами роддома простирается глухая тайга. Небось, как начинает холодать, приходит дедок с совковой лопатой, и ну швырять уголь в топку... Одно слово – клиника!

Ох, да есть ли здесь хоть кто-нибудь?

Тонкий, но острый лучик фонарика высветил крашенную голубой эмалью большую железную дверь, рядом с которой Василий увидел кнопку электрического звонка. Такой звонок всегда бывает у дверей приемных покоев в больницах, и звонит он так пронзительно, что может разбудить даже самую заспанную на свете медсестру.

Василий радостно надавил на кнопку и тут же отдернул руку. Наверное, это был самый громогласный звонок на свете! Он не просто звенел – он истерически визжал, разрывая своим звуком барабанные перепонки.

«Ну, все, – обреченно подумал Василий. – Теперь я точно всех перебудил!»

Ему страшно захотелось смыться, пока не выскочила какая-нибудь бабуля и не принялась орать жутким голосом, чего, мол, он тут ходит, людям покоя не дает. И только мысль о том, что на экономфаке, который он закончил, среди преподаваемых дисциплин основы акушерства и гинекологии не значились, а стало быть, самостоятельно он роды у цыганки принять не сможет, удержала его на месте. И слава богу, потому что в ту минуту дверь скрипуче открылась.

Почему-то Василий при этом звуке вспомнил точно такую же скрипучую дверь в роддоме, куда он отвозил Севкину жену Лизу. Там их встретила чрезвычайно низенькая и чрезвычайно толстенькая санитарка.

Василий непроизвольно опустил глаза, ожидая и здесь увидеть такую, и наткнулся взглядом на чьи-то ноги в расшлепанных босоножках.

– Вы что? – спросили ноги. – Вы почему здесь звоните, а не в приемном покое?

Вот те на!

Василий повел взглядом вверх. Ноги все никак не кончались. Потом Василий еще долго долго вел взглядом по халату.

Она была отнюдь не низенькая и толстенькая, а высокая, даже очень высокая (раньше говорили – верста коломенская, а теперь – модельный рост) и если не тощая, то чрезмерно стройная. Правда, где надо, халат натягивался весьма туго.

Наконец глаза Василия добрались до ее лица. Сначала он отчего-то огорчился: она оказалась отнюдь не такая уж молоденькая, как можно было судить по ногам – лет тридцати, не меньше, – а потом загляделся на нее. Хотя ничего особенного в ней, если честно, не было – заспанная, растрепанная, с подпухшими глазами, одна щека очень румяная: явно лежала на этой стороне, когда храпака давила, пользуясь тихим дежурством, и Василий испугался, что она на него злится за то, что перепутал двери, что разбудил.

– У меня женщина в машине, вот-вот родит, – выпалил он, чтобы оправдаться, и вдруг обнаружил, что девушка и не думает сердиться.

– Да вы знаете, мужчин сюда не возят, – ответила она со смешком. – А где ваша машина? Тут? – И она показала своим энергичным подбородком ему за плечо.

– Нет, около первого здания.

– Ну, это без разницы, у нас и там, и тут есть родовые палаты, – сообщила докторша (а может, она была медсестра, но это не суть важно). – Она как, в каком состоянии? Это жена ваша? Какой у нее срок?

– Не знаю, – мрачно буркнул Василий, почему-то жутко обидевшись, что эта девушка с первого взгляда сочла его женатым человеком. А он, между прочим, холостой! У него даже подруги нет! Он ее только ищет! – Это моя случайная попутчица. В смысле, меня попросили отвезти ее в роддом. Поэтому я не знаю, какой у нее срок, но такое впечатление, что она вот-вот родит!

– Как вы думаете, она сама дойти сможет или нужны носилки? – озабоченно спросила докторша (или медсестра), беря Василия за рукав двумя пальцами и сводя по ступенькам. – Давайте по двору туда пройдем, так скорей выйдет, чем нашими переходами.

– Носилки? – повторил он, пытаясь разглядеть в полусвете, падающем из открытой двери, что написано на табличке, пришпиленной к кармашку ее халата. Как там ее зовут? Ага, Валентина, кажется. Валентина Макарова, а по отчеству – Николаевна. И она педиатр... И тут он спохватился, что слишком увлекся разглядыванием таблички и того, что под ней. – Носилки?... Наверное, не надо носилок. Впрочем, не знаю. Она там вся такая сидела, когда я уходил... – И он стиснул зубы, зажмурился и на несколько секунд для наглядности даже окаменел.

– Воды отошли, не знаете? – спросила педиатр Валентина Макарова, торопливо шагая с ним рядом.

– Воды?! – Василий в какой-то книжке вроде бы читал описание того, как отходят воды у рожениц. Не приведи господь увидеть! Что, если у цыганки они отходят прямо сейчас? На розово-бежевое кожаное сиденье его шикарного «Лексуса»...

Он снова споткнулся, да так, что чуть не врезался головой в крыло означенного «Лексуса», вынырнувшего из темноты. Василий суетливо распахнул дверцу.

Цыганка на месте, сидит в той же позе – ни дать ни взять партизанка за пять минут до расстрела. Только зажмурилась судорожно и дышит со свистом – видно, совсем худо стало. Однако на полу сухо. Воды, стало быть, пока не отошли. И магнитола на месте.

Если Валентина Николаевна и удивилась, увидав в роскошном «Лексусе» цыганку в линялых юбках, то виду не подала. Василий оценил ее тактичность, однако все же порадовался, что своевременно развеял предположения насчет того, что роженица его жена. А то педиатр Макарова небось сочла бы его каким-нибудь цыганским бароном.

– Ну, ты как, моя дорогая? – спросила Валентина Николаевна тихо и так мягко, что зажмуренные глаза цыганки приоткрылись. Проблеснули черные, влажные от муки глаза.

– Але-лай... – вымолвила она сквозь стиснутые зубы на незнакомом Василию – наверное, цыганском – языке, но тотчас пояснила по-русски: – Плохо. Совсем плохо.

А ведь это он в первый раз услышал ее голос. Голос был гортанный, хриплый, сдавленный.

– Плохо? – повторила Валентина Николаевна удивленно.

Странно, что ее удивило? Разве и так не видно, что этой бедолаге – хуже не бывает?

– Ладно, – заторопилась она, – давай-ка будем выбираться из машины. Без этого никак не обойтись, мы же не собираемся рожать прямо здесь, верно? А потом тихохонько поднимемся на крылечко. Ты идти-то сможешь, милая, или все же сбегать за носилками?

Цыганка буркнула сквозь зубы что-то неразборчивое и осторожно выставила из машины одну ногу. Утвердилась на ней, потом медленно повернулась и выставила другую ногу. Попыталась подняться – но не смогла, застонала громко.

– Вас зовут как? – быстро спросила, чуть обернувшись через плечо, Валентина Николаевна, но так деловито, что Василий даже не успел обрадоваться, что она им *интересуется*, а столь же деловито доложил свое имя.

– Вы вот что, Василий... Вы берите ее под одну руку, а я под другую, – скомандовала Валентина Николаевна, вцепляясь в цыганку и повелительным движением своего круглого, твердого подбородка побуждая Василия проделать то же. Он подчинился, и вдвоем с докторшей они с немалыми усилиями вытянули цыганку из «Лексуса».

Она, чудилось, была в полусознании, никак им не помогала, а только громко дышала сквозь стиснутые зубы. Стоило ей утвердиться на ногах, как она вдруг хрипло вскрикнула, чуть присела – и из-под ее юбок хлынула какая-то жидкость.

Все в точности, как в той книжке описано, – воды отошли. Василий зажмурился, чтобы не видеть, как эта жидкость попадает на его кроссовки. Ладно хоть из машины цыганка вовремя вылезла, а кроссовки ему все равно не нравились. Выкинет, как только до дому доберется. Если вообще доберется когда-нибудь. Отчего это кажется, что нынешняя ночь будет длиться бесконечно?

– Ох ты господи! – сказала Валентина Николаевна, без особого, впрочем, испуга, а вполне буднично. – Вот вам, пожалуйста. Надо поторапливаться. – Тут она достала из кармана мобильник, ткнула в какую-то кнопку и сказала в трубку: – Катерина, зови быстренько Виталия Ивановича. У Москвитиной еще не скоро, а тут уже воды отошли, готовьте каталку, стол! И скажи, пусть в первом корпусе дверь откроют!

В ту же секунду вспыхнул свет сразу в нескольких окнах на первом этаже левого крыла, и на дворе у крыльца стало светлее.

Василий и докторша втянули цыганку, которая стонала все громче и еле-еле передвигала ноги, на одну ступеньку, потом на другую, приблизились к двери, и Валентина Николаевна сердито ткнула в нее ногой:

– Да открывайте, хватит спать!

Дверь отворилась, стало еще светлей, в проеме возникла черная фигура, и Василий даже ахнул от удивления, потому что увидел не медсестру или врача, а... милиционера. В первую секунду показалось, что это все тот же сержант Кондратьев, но Василий спохватился, что сержант ведь не призрак какой-то, не может мотаться вслед за ним по ночному Дзержинску. Вдобавок милиционер оказался ниже ростом, чем Кондратьев, а в плечах пошире, и лицо у него было не смуглое, а розовое и веснушчатое. Опять же – он был прапорщик, а не сержант, и форма у него была без опознавательных знаков автоинспекции.

– Да что вы тут сидите, Москвитин! – с досадой воскликнула докторша. – Прямо как будто в первый раз, честное слово! *Вашей* еще часа три ждать, не меньше, ну неужели делать больше нечего, как топчан просиживать? Вам же сказали: позвонят! Или Виталий Иванович позвонит, или я. Вы ж в патруле сегодня! Ну и патрулили бы, чего попусту сидеть и зубами стучать?

– Посмотрел бы я на вас, в каком бы вы были состоянии, если бы ваша жена рожала! – запальчиво воскликнул прапорщик Москвитин.

– Тут уж вам не повезло! – пропыхтела Валентина Николаевна, с усилием перетаскивая через порожек правую сторону цыганки (за левую отвечал Василий). – Вовек вам не увидеть, в каком я буду состоянии, когда *моя жена* станет рожать!

Москвитин наконец-то сообразил, что именно он в запале сказал, и нерешительно хихикнул. Ну а докторше и Василию было не до смеха. Цыганка в их руках словно бы в два раза отяжелела и начала оседать на пол.

– Ну, привет, – с досадой сказала Валентина Николаевна, пытаясь ее удержать. – Началось. Да где там они все? Эй, держите ее, держите!

Это адресовалось Василию, который почему-то разжал руки, и цыганка немедленно улеглась на левый бок, а потом рванулась из рук докторши и перевернулась на спину.

Тело цыганки выгибалось, живот казался уж и вовсе нечеловечески, неестественно огромным, она что было силы стискивала колени, стараясь поднять их как можно выше. Глаза ее были широко открыты, но бессмысленно, незряче метались из стороны в сторону.

– Э-э, нет, моя милая, – строго сказала Валентина Николаевна, опускаясь рядом с ней на пол. – Этак ты своего ребеночка живьем задавишь. Ноги не сжимать надо, а развести пошире, упереться ступнями в пол и тужиться. Только ты погоди пока! На полу людям рожать не положено. Тебе надо хотя бы до топчана добраться.

Доктор бормотала что-то успокаивающе-деловитое, а сама тянула цыганку за плечи вверх, но та нипочем не поднималась, а все норовила повыше поднять и покрепче стиснуть колени, с которых опадали линялые юбки, открывая худые, сильные, бледно-загорелые икры.

Валентина Николаевна перестала тянуть и сердито взглянула на Василия и прапорщика Москвитина, которые столбами стояли рядом и тупо глазели на эти задранные ноги.

– Мужчины, закройте рты! – скомандовала докторша, и Василий, спохватившись, вернул на место отвисшую челюсть. Зубы отчетливо стукнули друг о друга.

Рядом послышался схожий звук, и Василий понял, что Москвитин тоже исполнил приказание.

– Вот вы! – Докторша взглянула на Василия, и он невольно вытянулся по стойке «смирно». – Подите сюда. Держите ее за плечи. Надо на топчан перенести.

Василий послушно забежал на указанное ему место, наклонился и приподнял голову и плечи цыганки. В ноздри ему ударил сильный запах пота. «Ага!» – подумал он почему-то сердито и поморщился. Но не от этого запаха, а потому, что к нему примешался еще какой-то –

острый, кисловатый. «Кровь... – вдруг доехало до него, – это запах крови... да она же кровью истекает!»

– А вы, – последовало движение маленького твердого подбородка в сторону прапорщика, – возьмите ее под коленки! Ну, чего стали! – внезапно рывкнула она на замешкавшегося Москвитина, который почему-то не двигался с места. – Поднимайте же!

У нее, у сердитой, оказался хорошо поставленный командирский голос, которому невозможно было не повиноваться. Этот голос даже на цыганку подействовал – во всяком случае, она вдруг перестала сжимать колени, а вместо этого широко расставила ноги и выгнулась всем телом...

Не послушался только тот, к кому непосредственно относилась команда, – прапорщик Москвитин. Он не стал брать цыганку за ноги, а отчего-то сам пал на колени, схватился обеими руками за ворох многоцветных юбок и рывком закинул их цыганке на голову.

Заодно влажные подолы шваркнули по голове и Василия. Он, едва не задохнувшись от отвращения, отпрянул брезгливо, стряхивая их с себя, однако продолжал поддерживать женщину за плечи.

– Да вы что, Москвитин! Берите, вам сказано!.. – выкрикнула Валентина Николаевна – и вдруг осеклась.

Цыганка жутко, истошно закричала, мученически закинув голову и уставясь на Василия безумными, огромными, черными глазами.

Почему-то этого взгляда он испугался так, как не пугался ничего и никогда в жизни. Его словно бы затягивало в какие-то бездонные, смертельно опасные провалы, воистину в черные дыры! Он торопливо отвел – нет, словно бы отдернул – глаза и увидел, как Москвитин вдруг выхватил из кармана большой перочинный нож, сильным взмахом, со щелчком, выбросил из него узкое, длинное лезвие и... и резко чиркнул по животу цыганки!

6 июля 200... года, Дзержинск. Валентина Макарова

Мне очень стыдно, конечно, это признавать, однако те шесть тысяч рублей, с которыми я ушла из ночного, пустого «Супер-слотса», здорово улучшили мое настроение. Зато они просто-таки наповал сразили девицу-служительницу, которая все эти три часа ходила за мной, как пришитая!

Дело в том, что я не сидела на одном месте. Все стулья вокруг рулетки были пусты – вот я и перебиралась с одного на другой, каждый раз заставляя служительницу доставать из сейфа мой выигрыш. Штука вот в чем: компьютер-то обыграть невозможно. Ни в шахматы, ни в рулетку. Он просекает удачу, которая начинает вдруг липнуть к кому-то одному, – просекает и пресекает. Поэтому, сидя на одном месте, много не выиграешь. А если выиграешь и вовремя не уйдешь, то вообще проиграешься. Надо все время дурачить рулетку, сбивать ее с толку, переходить от поля к полю. Компьютер же не соображает, что с ним играет один и тот же человек! Он думает, это разные лохи приходят... Вот я и старалась обмануть его – поиграю там, поиграю сям... И никогда не ставила сразу все, что выиграно.

Сама не знаю, почему это мне вдруг пришло в голову, откуда эта тактика взялась. Но я следовала ей – и привела бедную девушку из «Супер-слотса» в полный обалданс. Похоже, она решила, что я какая-нибудь знатная хакерша-знахарка, которая умеет заговаривать компьютерную рулетку. Нет, в самом деле, начать с сотни и за три часа выиграть в шестьдесят раз больше, – мой случай, наверное, будет занесен в анналы «Супер-слотса» как самый серьезный афронт этого лоходрома. Служительница же не знала, что за мной присматривал «птичий бог»!

Раскачиваясь в полупустом трамвае, и потом, нервно сжавшись на облезлом сиденье электрички, и еще позднее, стоя по стойке «смирно» в битком набитой маршрутке, которая везла меня от дзержинского вокзала на работу, до остановки «Магазин имени Свердлова», я думала только об этих деньгах. И позорное ночное приключение, после которого я бросилась с балкона, казалось таким далеким, что не заслуживало даже воспоминания.

Теперь я не думаю о прошлом – только о будущем!

Наверное, это показывает, что я не слишком-то высокодуховная натура, а материальная, меркантильная и расчетливая, да? Ну и ладно. Неприятность эту мы переживем!

Вся штука в том, что на днях я должна лететь в Париж. На деньги, которые я целый год копила. Подрабатывала где и как могла, устроилась еще на полставки в одну шарашкину контору, где беззастенчиво дурят толстых гражданок возможностью моментально и безвозвратно похудеть. И вот с помощью этих наивных теток, которые мечтают избавиться от «ушей» на бедрах и складок на талии, по-прежнему треская на ночь пельмени с плюшками и заедая их капсулками с какой-то эфемерной пылью, может, даже на улице, прямо с тротуара, наметенной, я малость разбогатела. И теперь вполне могу себе позволить такое путешествие. Билета у меня еще нет, потому что я толком не знаю, когда меня отпустят с работы. Если выпишут с больничного нашего третьего педиатра, Наташу Карбасову (в роддоме нас должно оставаться как минимум двое), тогда все, вопросов нет, – могу идти в отпуск хоть завтра и сразу брать билет. Виза-то уже три дня как действует!

Я еду не по турпутевке, а по частному приглашению. В прошлом году моя давнишняя подружка Лера Лебедева (мы с ней когда-то были в одном пионерлагере) вышла в Париже замуж за миллионера (ей-богу, вот провалиться мне на этом месте, если вру!), да еще и сама

получила какое-то безумное наследство – почему-то от папы этого самого миллионера¹². Я до сих пор толком не знаю, что там да как, в письмах ведь всего не опишешь, но Лерка, надеюсь, мне расскажет при встрече. Она французское гражданство получит только через год, такие там драконовские порядки, однако ее муж – он наполовину русский, между прочим, из каких-то белоэмигрантов или что-то в этом роде – любезно прислал мне приглашение.

Но я еду не просто так – поглазеть на Сакре-Кер, Нотр-Дам-де-Пари, Елисейские Поля и прочие легендарные местечки, а также облегчить свой и без того легкий кошелек в Галери Лафайет. Закон природы: стоит барышне счастливо выйти замуж, как она немедленно принимается устраивать семейное счастье своих подруг, словно у нее открывается аллергия на холостячков. Такова и Лера. Она обуреваема желанием пристроить меня за хорошего импортного человека! Вдобавок ко всему ее парижская подруга (она француженка, но замужем за русским, еще один интернациональный семейный прикол!) держит ни больше ни меньше как брачное агентство. Через эту самую Николь Брюн (в замужестве она Понизовская) Лера и познакомилась со своим Жераром. Теперь Николь по просьбе Леры подыскивает женихов *мне*. Посланы фотографии, то да се... Насколько мне известно, желание встретиться со мной определенно выразили трое. Наличие у меня дочери претендентов нисколько не смущает. Итак, трое кандидатов уже есть, но Николь не намерена останавливаться на достигнутом.

Кстати, показательно, что даже после той пакости, которая учинилась со мной нынче ночью, я ни разу не назвала своего бывшего возлюбленного ни подлецом, ни коварным изменщиком. Да, не назвала. Потому что и сама хороша. Сплю – ах нет, уже следует говорить «спала» – с ним, а сама втихомолку ищу жениха за пределами нашей великой и необъятной родины. То есть я и есть потенциальная коварная изменщица, ведь при малейшем удобном случае была намерена покинуть как милого друга, так и эти самые пределы. Конечно, я не была уверена, что вот так запросто смогу отлепиться от мужчины, которого, можно сказать, любила. Но вмешалась судьба: не просто отлепила – оторвала меня от него! А слезу утерла ворохом сторублевых бумажек, которые я еще на вокзале, ожидая электричку, превратила в круглосуточном обменном пункте в две зелененькие – по сто долларов каждая.

Надо ехать! Да, пора ехать... вернее, лететь. Вот выйдет Наталья со своего больничного, и я полечу – как только, так сразу.

Вопрос стоял ребром: добираться до Парижа через Москву, рейсами Аэрофлота или Эр Франс, или напрямик из Нижнего, Люфтганзой? Разница в цене – двести долларов. Существенно. Однако в Москву мне тащиться жуть как неохота было. Ну не люблю я столицу нашей родины, мне там даже полдня провести тошно! К тому же еще и ночь в поезде предстоит, а в поезде я спать не могу, меня почему-то укачивает, иногда до рвоты. До аэропорта с вокзала надо ехать на такси, чтобы успеть на утренний рейс. За поезд и такси тоже надо платить, верно? То есть разница в цене уже меньше... И до чего хотелось полететь Люфтганзой, как белый человек! Пересадка на парижский рейс во Франкфурте-на-Майне. Когда я еще побываю во Франкфурте? Говорят, там самый большой аэропорт в Европе. Может, у меня окажется между рейсами сколько-нибудь времени, чтобы доехать от аэропорта до города и хоть одним глазком глянуть на Германию? Виза-то шенгенская, путь почти по всей Европе открыт!

Еще вчера это были бесплодные мечтания. Но вот теперь у меня в кармане материализовались двести долларов. Мне их презентовал «птичий бог». За спасение одной из его подданных.

Думаю об этом всю дорогу и на пятиминутке, где нам сдает дела предыдущая смена, подробно описывая состояние каждой пациентки и младенца, так что пятиминутка затягивается на полчаса. И на обходе я то и дело отвлекаюсь мыслями от взвешивания новорожденных крохотулек, обработки их пупков, общего осмотра... К счастью, с нашей малышкой все

¹² Эта история описана в романе Е. Арсеньевой «Париж.ру».

в порядке, никакой патологии ни при поверхностном осмотре, ни при более тщательном не замечаю. Пупки у всех подсыхают просто замечательно, с кожными покровами все о'кей, тремора ¹³ ни у кого нет, животов вздутых не обнаружено, то есть никто из мамочек ничего лишнего типа дыньки не съел, на аппетит своих птенчиков мамыши не жалуются, вроде бы даже не больно-то крикливый народишко на сей раз в детской подобрался: спали, говорят, хорошо, все как на подбор. Это отлично, потому что стоит проснуться и заорать одному, как он перебудит всех своих соседей. Моя Лелька такая была. Я ведь тоже здесь рожала, в родимом роддоме. На мою дочку все «ночные» жаловались. Мало того, что меня тошнило все девять месяцев, пока я ее носила, так она еще первые три месяца жизни никому спать не давала!

Что у меня сегодня впереди? Две выписки – подготовить документы, поговорить с мамочками и рассказать, как ухаживать за дитяtkом в первое время. Это непременно. Присутствие дома новорожденного младенца отшибает соображение даже у тех, у кого дети уже есть. А тем паче – у новичков. Это я по себе знаю. Плюс к тому сегодня мы ожидаем двое родов. С одной будущей мамочкой все нормально, схватки идут своим чередом, рожать мы с ней начнем не раньше чем под утро. Второй случай похуже, сердцебиение плода ухудшилось, придется оперировать женщину, сама она, похоже, не разродится... Ну и, может, подвезут кого по «Скорой» с преждевременными. Короче, день предстоял определенно спокойный и самый обыкновенный.

После обхода я позвонила Наташе:

– Привет, Карбасова! Ты на работу собираешься?

– Нет, а зачем?

– Да ты знаешь, мне в отпуск сходить охота.

– Ну, раз в отпуск... Придется выйти.

– Когда, Наташка? Когда осчастливишь?

– А тебе разве главный ничего не говорил? Я послезавтра выхожу. Я ему только что звонила.

– Нет, серьезно? Господи, какое счастье! Наташенька, я тебя люблю! Жду!

Она хохочет. Бегу к главному, он встречает меня улыбкой:

– Извини, дела замотали, забыл тебе сказать: путь свободен, можешь сваливать. Отпускные тебе в бухгалтерии выдадут. Хоть сейчас, хоть завтра. Рада?

– Ой, вы не представляете!

Та-ак... Выходит, что завтра-послезавтра я могу уезжать. Так что, сначала в Москву либо напрямик из Нижнего во Франкфурт и в Париж? Решаю положиться на судьбу и звоню в авиакассу. На Аэрофлот и Эр Франс на ближайшие два дня билетов до Парижа нет. А Люфтганза радостно сообщает, что именно на завтра у них билетики имеются! Вылет в час дня, через три с половиной часа я во Франкфурте, там перерыв полтора часа между рейсами, потом еще час полета – и я в Париже... Нет, это натуральная фантастика. Ай да «птичий бог»! Не иначе он мне ворожит!

Как? Уже завтра? Так быстро? Но у меня еще ничего толком не собрано, как же я успею... Может, все-таки повременить?

Ладно, на всякий случай я бронирую билет на Люфтганзу (есть время подумать и, если что, отказаться от билета, а пока пусть он будет, будет, билетик Нижний – Франкфурт – Париж!), потом бегу в бухгалтерию и получаю свои отпускные. И только начинаю подбирать слова, чтобы уговорить главного разрешить мне с его телефона – но за мой счет! – сделать один междугородний звонок (мама с папой и Лелька сейчас гостят у тети Любы в Новороссийске) и один международный (сообщить Лере, когда именно прилечу, а то она там вся изнервничалась, в своем Париже, меня ожидая и желая поскорей начинать сватовство), как начинается свистопляска.

¹³ Напряженной тряски конечностей, что указывает на определенную патологию.

По «Скорой» привозят девчонку. Seriously, именно девчонку – лет шестнадцати, не больше. Преждевременные роды, семь месяцев срок. Все бы ничего, разное бывает, но таких дур, как эта молодая мамка, я давно не видела!

Положили мы ее на стол:

– Тужься!

– Нет, мне больно. Не буду тужиться.

– А как рожать собираешься?

– Да мне уже неохота рожать. Покурить пустите!

Виталий Иванович – гинеколог наш – остоленел, а мы с Людочкой, акушеркой, вообще чуть не рухнули. Наконец он малость пришел в себя:

– Пока не родишь, не покуришь.

– Тогда пустите меня к мужу!

А сама колени сжимает, не слушается, бьется, рвется... Делать нечего.

– Ладно, погоди. Сейчас позовем твоего мужа, он к окошку подойдет, – говорит Виталий Иванович.

«Родилка»-то у нас на первом этаже.

Подошел к окошку «муж». С виду такой же пацан, как и «жена», но мозгов на одну извилину все же побольше:

– Нинуль, ты чего буянишь? Ты там смотри, врачей слушайся!

– Я курить хочу, а они не дают!

– Нинуль, как только родишь, тебе покурить дадут, и пивка я принесу...

Мы только переглядываемся.

– Поколение «Пепси», – бормочет гинеколог. – Нет, это поколение «Клинского»! Верите ли, Валентиночка, я всю жизнь пиво любил, а теперь, на старости лет, завязал. Не могу больше видеть, как по утрам мальчишки с девочками в школу идут, и у каждого в руке бутылка, будто соска у дебила-переростка!

Насчет «старости лет» это сильно сказано: Виталию Ивановичу, конечно, шестьдесят, но ему все наши пациентки глазки строят, просто не могут удержаться. Наверное, в молодые годы был такой же секс-символ, как Гоша. Ну, тот самый, которому везет в карты.

Но в карты теперь и мне везет, ага!

В это время «Нинуль» начинает дико орать: роды идут своим чередом, вот и головка показалась. Так она знаете что делает? Пытается руками затолкать ребенка обратно в себя! Насилу успеваем ее схватить!

Нет, это просто кино. Причем плохое кино.

Наконец наши мучения с Нинулей кончаются. Ее отвозят в L-клуб. Так мы между собой называем «сомнительное», или обсервационное, отделение ¹⁴. Как правило, там тусуются бомжи и прочий подобный, поистине сомнительный контингент. Ну а L – от латинского слова lues, зараза. Lues – то же, что сифилис. Понятно, почему мы держим эту публику в «сомнительных» отделениях? Береженого бог бережет!

А ребенок, мальчик, у Нинули родился практически неживой: наверное, легкие слизью забиты. Пытаюсь интубировать – теперь у нас аппарат ИВЛ, искусственной вентиляции легких, есть, все как у людей! – но это безрезультатно.

– Дыши! Ты что, охренел? – волнуясь, бормочу я и спохватываюсь, что невольно перешла на лексику своей пациентки. Перейдешь тут...

¹⁴ Обсервация – наблюдение в течение определенного срока за изолированными в специальных помещениях людьми, у которых подозревается наличие инфекционного заболевания.

– Не дышит? – спрашивает зав. детским отделением Ольга Степановна. Моя дочка ее тетка, и не зря: именно Ольга Степановна помогала мне разродиться, когда моя Лелька что-то вдруг призадумалась на полпути. – Ну, часа три, может, поживет...

У меня почти опускаются руки. У Ольги Степановны глаз – алмаз, она никогда не ошибается. И все-таки я не сдаюсь: делаю кислородную маску, беру дыхательный мешок, качаю, качаю... Что бы там ни пророчил «глаз-алмаз», я должна сделать все возможное и невозможное. Потом мы кладем младенца под капельницу, а меня сменяет сестра.

Потому что привезли новую роженицу. Тоже чудачка! У нее схватки еще ночью начались, а она в больницу не поехала, «Скорую» вызывать не стала: мужа ждала, который должен был вернуться из командировки, да задерживался. Ну и дождалась: чуть дома не родила. Повезло: как раз успели на стол, Виталий Иванович ей только велел: «А ну-ка давай потужься!» – и вот он, ребеночек!

Его сразу передают мне. Родился он (вернее, она, потому что это девочка) легко, разрывов у мамочки не было, поэтому кроха никакая не окровавленная, как в кино показывают или в книгах описывают, а беленькая и скользкая – потому что покрыта такой смазкой, похожей на легкий белый жир.

Я мою малявку теплой водичкой с марганцовкой, обрезаю и зажимаю пуповину, убираю слизь из носа и рта. Малявка молчит. Дети, когда рождаются, не все сразу орут от страха перед новой жизнью. Некоторые – только после очищения верхних дыхательных путей, вот как эта девочка.

Мамочка волнуется, так и подпрыгивает на столе:

– Ну почему она не кричит, доктор? Почему?

И тут я демонстрирую наш любимый профессиональный фокус.

– Пока не кричи, – говорю, зная, что девулька еще не может издать ни звука. – Тихо, тихо... Ну а теперь, – и незаметно провожу ей по груди, – теперь ори!

Ох, как она заливается криком! Значит, дышит нормально. Мамочка тоже заливается – слезами счастья. Я не объясняю, что весь фокус заключается в своевременной тактильной стимуляции. Маленькие секреты большой медицины!

Потом у нас операция. Голова ребенка не проходит, женщина не может разродиться. Приходится накладывать щипцы. Работа есть для всех, со стороны поглядеть – жуть что такое. Ребенка – мальчишку с необычайно густыми и черными волосами на головушке – едва вытащили и сразу под кислород, в аппарат ИВЛ. Но тут «глаз-алмаз» ничего дурного не пророчит. Да и мне самой кажется, что случай не безнадежный.

– Знаешь что? – говорит мне тихонько Ольга Степановна. – Когда его мамочка от наркоза проснется и немножко очухается, ты ее как-нибудь сюда притащи, хоть на каталке привези, пусть посидит рядышком и с ним поговорит. Ему живо полегчает, вот увидишь!

Я верю. Честное слово, я убеждена, что младенцы еще в мамином животе все слышат и отличают голос матери от других голосов. Потому что когда они потом орут и вдруг слышат ее голос, то орать начинают потише. Ну ладно, это лирика на грани мистики и фантастики. Вроде моего «птичьего бога»!

Короче говоря, день идет себе и идет, как положено идти дню дежурства. Только плохо, что глаза у меня болят все сильнее. Такое впечатление, что песок в них насыпан. Ну да, я же всю прошлую ночь не спала. И в голове периодически зашкаливает: медвежья шкура под кроватью, эротическая сцена, которую я наблюдаю, стоя за балконной дверью, собачьи требовательные глаза, разинутый в паническом крике вороний клюв, сырая трава газона, красное – черное, чет – нечет, на рулеточном столе ворох сотенных бумажек, который послал мне «птичий бог»...

Но вот наконец-то проходит день и наступает вечер. Тихий вечер! Можно телевизор посмотреть, чайку попить, подремать, мечтая о такой же тихой ночи, когда удастся наверстать упущенное ночью прошлой... Благодать божья!

Вот только периодически достает нас один будущий папаша по фамилии Москвитин. Это его супружница должна рожать ночью. Я ему двести раз сказала: «Рано еще, не маячьте тут, не мешайте!» Но разве уговоришь такого твердолобого бычка, к тому же в милицейской форме! Он беспрестанно возвращался и ходил, ходил, топал по приемному покою, хотя ему тоже надо было быть на дежурстве. Иногда, впрочем, подъезжала патрульная машина и увозила Москвитина. Увы, ненадолго! Он вскоре приезжал – и снова ходил туда-сюда и все прислушивался к чему-то. То ли стоны жены пытался уловить, то ли, может быть, крик ребенка... С этими папашами беда одна.

В конце концов наши пациенты, большие и маленькие, уснули. Мы все тоже разбрелись по лежанкам. Я пристроилась во втором корпусе, недалеко от двери. Там у нас в коридоре, неподалеку от родилки, стоит мяконецкий, удобненький диванчик. У этого дивана что хорошо? Сколько ни лежишь – шею не ломит. А с других я вечно с остеохондрозом поднимаюсь. Долго не заспимся, конечно, скоро у Москвитиной начнется...

С этой мыслью я крепко уснула – чтобы вскоре проснуться и окунуться в самый жуткий и необъяснимый кошмар, какой только можно вообразить.

8 января 1793 года, замок Сен-Фаржо в Бургундии, Франция. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо

О боже... О боже мой... Мне кажется, на меня обрушился какой-то камнепад событий! Такое, помнится, случилось два года назад, когда я поехала верхом и внезапно начался дождь. Удивительнее всего, что до этого больше месяца с небес не упало ни капли, земля вся иссохла. И в тот день утро началось безоблачное, а потом вдруг заволокло небо – и полило! Я направила коня (тогда у меня был Феб – рыжий, солнечный красавец Феб!) под скалу, на которой прилепилось несколько кустиков. Этот выступ отлично защищал от дождя, земля под ним была сухая. Но дождь не собирался утихать. Нам с Фебом, которого я с трудом удерживала на одном месте, было тесно под выступом, водяные струи хлестали со всех сторон. Мы совсем вжались в скалу – и вдруг на нас просыпалось несколько мелких камушков. Феб заволновался, попытался выскочить из-под скалы, но я, глупая, старалась его осадить, а между тем камушки все резвее ползли по стенам и уже побольше, поувесистее. Несколько ударили мне по шляпе и по холке Феба.

Как он перепугался! Как взвился на дыбы! Право, могу сказать, не хвастая, что считаюсь отличной наездницей, однако даже мне едва удалось удержаться в седле.

Феб словно с ума сошел. Не слыша моих окриков и словно не чуя, как натягиваются поводья, он понес меня прочь. «Неужели взбесился?!» – успела ужаснуться я. В это мгновение сзади раздался грохот. Обернувшись, я поняла, что если даже мой конь и взбесился, то сделал это очень даже своевременно. Потому что там, за моей спиной, уже не было козырька скалы, под которым мы только что прятались. По склону с вершины катились немалые камни, настоящие булыжники, валуны, и один из них, падая, только что раздробил вдребезги наш спасительный выступ. Если бы не Феб... Если бы он не забеспокоился и не помчал прочь...

Потом, когда я сообщила Роберу, старшему конюху, об этом случае, он даже покачнулся от ужаса и какое-то время не мог ни слова вымолвить. Но потом обрел дар речи и рассказал, что еще примерно два года назад, когда его проезжал молодой грум, Феб попал однажды под такой же внезапный камнепад и был даже ранен в холку. Наверное, ему запомнился тот случай. Я удивилась, почему раньше ничего не слышала об этом, но Робер сказал, что мы с отцом путешествовали в то время по Италии, а когда вернулись, ранка Феба уже зажила и была не видна под густой гривой.

Я мгновенно вспомнила ту нашу чудесную поездку. Это было в 1789 году. Рим, Венеция, Флоренция... Сказочная, вечно цветущая Флоренция... Мы вернулись во Францию в конце июля – и не узнали Парижа! Бастилии больше нет, на улицах орут опьяневшие от какой-то выдуманной свободы простолюдины, а мой брат, наследный граф Луи-Мишель Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо, отрекся от своего рода, от своего сословия и стал позором семьи.

Боже ты мой, ну что я пишу, зачем? Ведь в моих дневниках двухгодичной давности уже есть запись о том камнепаде, о странном поведении Феба... Если я достану старые тетрадки, то найду подробнейшее описание того пугающего события. О, понимаю. Я просто тяну время, чтобы, вспоминая прошлое, не писать о настоящем! Да... тогда меня вынес из-под падающих камней Феб. Но кто спасет меня теперь от того града ударов, который обрушивается не на мои голову и плечи, а на мою жизнь?

Вчера я узнала, что лишилась брата. Мы все не сомневались, что тело Луи-Мишеля привезут в родовое гнездо и здесь похоронят в семейном склепе – каков бы он ни был, он все же Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо! Однако его друзья-мятежники, революционеры, решили, что это слишком большая честь для старого замка, в котором некогда жила Великая Мадемуазель

¹⁵, где она принимала у себя маршала Тюренна, своего отца, и знаменитую мадам де Севинье, и принца Конде, и своего ненаглядного шевалье де Лозана, которому она в конце концов и подарила Сен-Фаржо и у которого его купил наш предок в 1714 году. А ведь Великая Мадемузель была также и великой фрондеркой – то есть, выражаясь языком современным, революционеркой. Она поворачивала пушки и посылала войска против Мазарини, королевы Анны и маленького короля Людовика XIV... Отчего же ее замок не годится для погребения там праха другого революционера, обреченного на смерть правнука Короля-Солнце? ¹⁶

Я бы поехала в Париж. Я бы забыла все, кроме того, что Луи-Мишель – мой брат. Но... но его – с подобающими почестями, как жертву проклятых контрреволюционеров-аристо! – погребут его новые друзья. Его похоронят с воинскими почестями в Пантеоне! А его дочь Луизу-Сюзанну Лепелетье решено взять под опеку Конвента. И это при живой матери, при живых родственниках!

И я пока ничем не могу этому воспрепятствовать. В ближайшие дни я буду занята другими похоронами – мой отец не вынес случившегося. Он умер вслед за своим старшим и некогда самым любимым сыном. Не знаю, что именно стало непосредственной причиной этой смерти: то ли убийство самого Луи-Мишеля, то ли его соучастие в убийстве нашего короля.

От второго курьера, того, что привез известие о предстоящем погребении Луи-Мишеля в Пантеоне, стали известны новые подробности и голосования в Конвенте, и того, что произошло затем в ресторанчике Феврье в Пале-Рояле.

Конвент на время превратился в театральные подмостки. Голосование... Демократия... Насмешка! Это было голосование *appel nominal* ¹⁷. Все присутствующие – беспощадные и жалостливые, сомневающиеся и уверенные – должны отвечать на вопрос: жить королю или умереть, публично, под прицелом сотен пар глаз? А между тем подруги Терикур, все эти торговки рыбой, распространявшие вокруг себя мерзкий запах тухлятины, и все эти непотребные женщины разгуливали там и сям, по трибунам и коридорам, с засученными рукавами и подоткнутыми подолами. Они были вооружены саблями, пиками и палками. Зная, что заседание может затянуться, они принесли с собой еду и вино. Пожирая колбасу и запивая ее стаканами вина, с жирными губами и осоловелыми глазами, они тянули свои ручищи с грязными ногтями к ненадежным депутатам и угрожающе шипели:

– Или его голова, или твоя!

Что и говорить, присутствие этих фурий, этих ламий ¹⁸ напугало колеблющихся депутатов. И все же, когда они восходили поочередно на трибуну, звучало не только роковое слово «смерть». Некоторые требовали пожизненного заключения. Многие говорили: «Изгнание, все, что угодно, только не смертная казнь!» Многие снова и снова просили узнать мнение народа, просили отсрочки...

Робеспьер, конечно, голосовал за смерть. Сиейес тоже. «*La mort sans phrases!*» ¹⁹ – выкрикивал он. И Филипп Эгалите ²⁰ спокойно обреч на смерть своего кузена. Говорят, даже патриоты при роковом слове «*La mort!*», произнесенном им, покачали головами! Ну и, конечно, член Конвента Лепелетье тоже провозгласил: «Я голосую за смерть тирана!» В итоге короля приговорили к смертной казни с перевесом... в один голос.

Чей именно это был голос, интересно знать? Брата короля? Или моего брата?

¹⁵ Прозвище Анны-Марии-Луизы Орлеанской, герцогини Монпансье, кузины короля Людовика XIV.

¹⁶ Прозвище Людовика XIV.

¹⁷ Вызов по именам (лат.).

¹⁸ Чудовища античной мифологии – олицетворения мести и кровожадности.

¹⁹ Смерть без разговоров! (франц.)

²⁰ Эгалите – по-французски «равенство». Прозвище герцога Орлеанского, безоговорочно принявшего революцию.

Как только председатель суда Верньо неожиданно скорбным голосом произнес: «Заявляю от имени Конвента, что наказание, к которому присужден Луи Капет, – смерть!» – и подружки Теруань де Мерикур радостно завопили, а с галерей, где сидели любовницы д'Орлеана-Эгалите, донеслись шумные рукоплескания, Луи-Мишель вышел из зала, снял шапочку члена Конвента, обтер потный лоб и торопливо зашагал вдоль ограды Тюильри, спеша в Пале-Рояль. По улицам клубилась толпа, не зная, что сквозь нее пробирается человек, чье слово, быть может, определило участь короля Франции.

Как он шел? Гордо распрямив плечи? Или стыдливо сгорбившись? Но, так или иначе, вскоре, через десяток минут, он появился там, куда так стремился: в галерее Валуа любимого сада Филиппа Эгалите и ночных проституток – Пале-Рояля. Там, в подвальчике ресторана Феврье, было его привычное место для обедов. Ему вдруг очень захотелось есть!

Было пять часов вечера. Луи-Мишель пообедал и уже расплачивался, когда к нему подошел какой-то человек. Свидетели происшедшего описывали его потом как черноволосого коренного мужчину с выбритым до синевы подбородком. Одет мужчина был в длиннополый камзол. Ресторатор Феврье и присутствующие вспомнили, что он тоже был некогда одним из завсегдатаев подвальчика: бывший королевский гвардеец по имени Пари. Странно, что его имя созвучно имени столицы Франции. Какое глубокое, какое роковое совпадение! Словно бы сам город, измученный и опозоренный, залитый кровью, отрядил этого человека с его страшной миссией в галерею Пале-Рояля!

– Вы Лепелетье де Фор? – спросил Пари.

– Да, – ответил Луи-Мишель, рассеянно отсчитывая чаевые слуге.

– Вы голосовали по делу короля?

– Я подал голос за его смерть, – отвечивал мой брат.

– *Scelerat*²¹, так вот же тебе! – крикнул Пари и, выхватив саблю из-под камзола, вонзил ее глубоко в бок Луи-Мишеля.

Феврье попытался схватить Пари, однако тот вырвался и убежал. Задержать его не удалось. По его следам послана погоня, однако он скрывается.

Найдут ли? Молюсь, чтобы его не нашли...

Брат мой мучился от раны еще почти сутки и скончался на другой день, в час пополудни. Теперь он «павший герой восставшего народа» и что-то еще в этом роде. Но мой несчастный отец, который испустил последний вздох этой ночью, перед смертью заклинал меня сделать все, что в моих силах, дабы хоть как-то «скрыть позор нашей семьи». Это его слова. Он наказывал передать его последнюю волю моему младшему брату Максимилиану – теперь он наследник титула, имени и состояния, теперь он граф Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо. Максимилиан еще совсем мальчик, ему всего пятнадцать, он сейчас отправился навестить своего любимого старого конюха Робера, который больше не служит у нас, а уехал к дочери-вдове, в деревушку Мулен-он-Тоннеруа, далеко, за много лье от Сен-Фаржо. И он, конечно, еще не слышал ни о случившемся в Париже, ни о своем новом положении, ни о том, чего потребовал от нас в последние минуты жизни отец.

А понимал ли он, чего требует? И как отнесется к этому жена и дочь моего погибшего старшего брата?

²¹ Злодей, негодяй (франц.).

Ночь с 6 на 7 июля 200... года, Дзержинск. Василий Каширин

Раздался такой вопль, что Василию показалось, будто у него сейчас, сию минуту разорвутся барабанные перепонки. Или даже уже разорвались. Вместе с этим начало резко саднить горло, и спустя какое-то мгновение Василий понял, что он не только слышал крик, но и сам кричал.

И не он один! Кричала длинноногая докторша, кричала откуда ни возьмись появившаяся худенькая девушка в бледно-зеленой мятой курточке и таких же брюках – наверное, медсестра или акушерка, – кричал седой мужчина с руками молотобойца, одетый тоже в бледно-зеленое и мятое... Да и цыганка продолжала кричать истошным голосом, билась, корчилась, ворочая вокруг бессмысленными, поблекшими от боли глазами.

Молчал только Москвитин. Молчал, поднявшись с колен и выпрямившись, держа в одной руке свой зловещий нож, а во второй – ворох каких-то ремней с привязанной к ним черной плоской коробкой.

У Василия постепенно отошла мгла от глаз, и он вяло удивился, что с ножа не каплет кровь. А ведь Москвитин зарезал, зарезал цыганку! Василий сам видел!

Прошло не меньше минуты, прежде чем до него дошло: он, оказывается, видел, как Москвитин не *зарезал* цыганку, а всего лишь что-то *срезал* с ее бедер – что-то, прежде прикрытое ворохом линялых разноцветных юбок. Неужели эти ремни?

– Выйдите все! – вдруг гаркнул Москвитин, словно дожидался мгновения, когда все оторутся и настанет наконец тишина. – Выйдите вон! Быстро! Ну! У меня тут взрывное устройство, неужели не соображаете?

Василия резко качнуло назад, он выпустил плечи цыганки, и голова ее с громким стуком упала на пол. Его пробрало ледяным потом.

– Да вы что? – страшным шепотом даже не сказала, а возмущенно просвистела доктор Макарова. – Она же рождает! Вы что, спятили?!

Василий не верил себе. Такое впечатление, что она ничуть не испугалась слов Москвитина. Такое впечатление, что она их даже не слышала!

Ему стало стыдно – и снова бросило в пот, теперь уж в настоящий, жаркий. Он быстро снова схватил цыганку за плечи, а под колени ее взял седой мужик, хотя с его-то бицепсами он вполне мог и один унести женщину, даже и с таким огромнейшим животом.

– А ну, посторонись! – гаркнул он, отпихивая Москвитина, который все еще тряс своими ремнями. – Слышишь, как тебя там, – напряженный, деловитый взгляд адресовался уже Василию, – а ну, давай на счет «три». Подняли и понесли в ту комнату, на топчан. Готов? Ну-ка – раз, два, три!

Господи... Какая же она оказалась тяжеленная! Да еще бьется, мечется. Василия аж шатнуло, когда они с седым сделали первый шаг. Валентина Николаевна пыталась помогать, поддерживала падающую голову цыганки, но только мешала, поэтому Василий отодвинул ее плечом в сторону так же досадливо и бесцеремонно, как седой только что обошелся с Москвитиным.

Потом они еле протиснулись в дверь, а еще надо было дойти до топчана, который оказался где-то в другой части света, и осторожно – докторша беспрестанно жужжала в ухо: «Тише! Осторожнее! Бережней!» – опустить цыганку на топчан, покрытый выцветшей оранжевой клеенкой. Наверное, тут-то и был собственно приемный покой, потому что Василий смутно различал холодные, голубые кафельные стены, и монументальные, доисторические,

белые, облупленные весы в углу, и колченогие стулья, и старый письменный стол – тоже под клеенкой, и два каких-то лотка на нем, с крышками в цветочек, будто на эмалированных кастрюльках, причем он даже уловил краем глаза непостижимую надпись: «Анолит. 0,05 %».

Как только цыганка оказалась на топчане, она завопила еще громче, в ее голосе уж вовсе ничего человеческого не было, и у Василия от этого вопля словно бы какой-то обмиранс наступил. Во всяком случае, он лишь смутно ощущал, как Валентина Николаевна хватается его за руку, тащит к двери и выталкивает за порог.

Дверь захлопнулась, и Василий смог наконец перевести дыхание. Не то чтобы крик цыганки стал значительно тише – дверь на вид казалась совершенно картонной, – но Василий был теперь хотя бы чисто номинально отделен от этого крика, вот и почувствовал себя малость получше.

У него подкашивались ноги, очень хотелось сесть, хотя бы на пол. Он привалился к холодной стене и принялся хлопать себя по карманам, пытаясь отыскать сигареты, хотя бросил курить два года назад, и не просто бросил, а даже закодировался по этому поводу.

Муть в глазах постепенно расходилась. Теперь Василию даже неловко было, что он мог так сильно испугаться, и он увидел Москвитина, который, держа на отлете левую руку с болтающимися в ней ремнями, другой сжимал рацию и что-то горячо говорил, приблизив к ней губы.

– ...специалиста, – вслушался Василий в то, что твердил Москвитин, – специалиста, главное, скорей, а то хрен его знает, вдруг сейчас рванет. Да взрывное устройство, я тебе говорю, я ж не слепой – это бомба! Скорей, ребята!

Он еще что-то бубнил, но Василий снова перестал слышать, потому что зазвенело в ушах от нового вопля, пробившегося через хлипкую преграду двери. И этот звон рассеял какой-то мутный туман, воцарившийся было в голове.

Это получалось что? Получалось, что под юбками цыганки, которая забрела на пост ГАИ и которую потом он, Василий Каширин, черт знает сколько времени возил по окраинам ночного Дзержинска и доставил наконец-то в роддом... получалось, что под юбками *беременной* цыганки было привязано взрывное устройство? Да он что, этот прапорщик Москвитин?! У него глюк, что ли, сделался по поводу последних терактов, случившихся... где-то... Где? Ну да их в последнее время столько, этих терактов, случается, что за всеми не уследишь, и, слыша сообщение о каком-то новом, сначала ужасаешься, потом мысленно молишься: «Да минует меня чаша сия!», а потом быстренько забываешь об этом, потому что и так очень страшно жить, недолго и свихнуться, если непрестанно бояться. Может, Москвитин как раз и свихнулся? С другой стороны, что ж такое могла носить цыганка под своими юбками на ремнях? А главное – зачем?

Он не успел додумать, потому что в эту минуту Москвитин сунул рацию в карман, потом как-то странно извернулся – и в то же мгновение в его руке оказался пистолет.

– Руки! – крикнул прапорщик, наставляя пистолет на Василия. – И лицом к стене! Ну!

Это было до такой степени чудно, что Василий даже не испугался. А может, просто лимит страха у него на сегодня закончился.

– С ума сошел? – спросил он, чувствуя, как губы сами собой разъезжаются в глуповатую, словно бы извиняющуюся улыбку. – Ты меня ни с кем не перепутал?

Москвитин, не сводя с него ствола, попятился, замер и осторожно перегнулся влево. Связка ремней и эта черная штуковина легли на пол. Москвитин отпрыгнул еще ближе к двери, наткнулся на стену около нее, привалился к стене спиной и левой рукой снова вырвал из кармана рацию.

– Ребята, скорей! – выкрикнул он. – Одного я на мушке держу!

Губы у Василия продолжали разъезжаться в улыбке.

«Почему на мушке? – подумал он очень сосредоточенно, словно о чем-то важном. – Мушка – это такая штучка на конце ствола охотничьего ружья, видная в прорезь прицела. Она как раз и помогает целиться. А разве у пистолета есть мушка?»

Ему вдруг показалось стыдным, что он, взрослый мужик, ни разу не держал в руках пистолета. Теперь все такие крутые, а он даже не соображает, какую «пушку» тискают сейчас Москвитин. Что это, «стечкин», «макаров», «ТТ»? Может, «вальтер» или эта, как ее там, «беретта»?

Непостижимо, что происходит! Непостижимо, как... как «Анолит. 0,05%»!

Между тем «макаров» или «вальтер» не сводил своего черного глаза с Василия. И кое-как до него стало доезжать, что Москвитин не только не сошел с ума, но, пожалуй, и не шутит.

В эту минуту жуткий, рвущий уши и душу вопль за стеной стих, словно его тоже отрезало ножом, как те черные ремни. И Василий, чей разум мгновенно освободился от мучительных оков, понял, *почему* именно не шутит Москвитин.

Если он и в самом деле снял с цыганки взрывное устройство, значит, это была не цыганка, а террористка. И именно он, Василий Каширин, привез террористку в роддом! То есть он ее пособник.

Зачем привез? Понятно, зачем! Рожать!

А взрывное устройство при родах зачем?

Мама дорогая!.. Рожать она сюда добиралась – или...

А вдруг эта штука в любую минуту рванет? Надо ее быстренько хватать и бежать подальше от роддома! Неужели Москвитин не понимает, что если рванет – тут никого живого не останется и что его жена и еще не родившееся дитя тоже подвергаются страшной опасности?

Надо ему сказать, но станет ли он слушать Василия? Не выстрелит ли чуть раньше – он же не в себе, бедолага-прапорщик?

А если оно радиоуправляемое, это устройство? Если цыганка – какая, к черту, цыганка? Террористка она – была не одна? Если у нее имелся какой-то сообщник, который и привел ее к посту ГАИ, где сердобольный и недогадливый сержант Эдуард Кондратьев...

Следующие два события произошли одновременно. Или, может быть, с каким-то временным зазором, но зазор этот был настолько несущественным, что его можно не считать.

Сначала дверь в приемный покой приоткрылась и высунулась доктор Макарова. Она посмотрела на Василия и сказала с каким-то недоумевающим выражением:

– Умерла. Болевой шок. И ребенок тоже...

И в это самое мгновение произошло второе событие. Распахнулась дверь с улицы – причем настолько широко и сильно, что Москвитин оказался загорожен ею. И напротив Василия возник в проеме двери сержант Кондратьев.

Василий решил, что ему снова призраки мерещатся, потому что Кондратьев-то это был Кондратьев, но все же он казался сейчас каким-то другим человеком. Исчезло миролюбивое, любезное выражение, худое лицо еще больше усохло, как бы даже заострилось, и взгляд прежде дружелюбных глаз был теперь остер, словно бритва. И в его руке... в его руке тоже был пистолет! Совершенно так же, как минуту назад – москвитинский, он смотрел в лицо Василия!

Что-то Василий успел все же понять прежде, чем *это* случилось. О чем-то догадаться успел, что-то просчитать, потому что качнулся в сторону и одним движением захлопнул дверь в приемный покой, прикрыв ею стоящую на пороге докторшу.

И это было его последнее осознанное движение в жизни, потому что в следующее мгновение перед глазами Василия блеснул сгусток огня, а потом в грудь вонзилось раскаленное острие и пригвоздило его к стене.

Миг, ну, два он еще пытался справиться с болью и даже успел увидеть, как Москвитин резко отмахнул железную створку двери, которой был прикрыт, в обратную сторону, и Кондратьева ударило столь сильно, что вышвырнуло на крыльцо.

Василий увидел глаза Москвитина – безумные, расширенные, изумленные – и глаз «стечкина», а может, «беретты» прапорщика снова посмотрел на него. Прощально...

«Ну, если еще и ты бабахнешь, я тогда точно умру», – бессильно подумал Василий и выдохнул, чувствуя необходимость хоть как-то оправдаться:

– Это он меня остановил... У поста ГАИ... посадил ко мне цыганку... Они, значит, вместе...

В горле у него забулькало, в груди стало тесно и горячо, и больше Василий уже никому, ничего и никогда не смог бы сказать.

Спустя несколько мгновений, еще не вполне поняв, *что* именно с ним приключилось и отчего он видит все вокруг как бы с высоты и слегка размытым, словно не в фокусе, он разглядел, как кувыркнулся с крыльца в кусты сержант Кондратьев, который, конечно, не был на самом деле ни сержантом, ни Кондратьевым. Потом увидел патрульную машину, резко затормозившую у крыльца, и людей, выскакивающих из нее, услышал их крики и растерянный мат, увидел и выскочившего на крыльцо Москвитина. Прапорщик ломанулся в кусты вслед за «Кондратьевым», однако Василий теперь не только обладал способностью смотреть на происходящее *с высоты*, но и был наделен даром заглядывать в будущее, пусть и не слишком далекое. Поэтому он уже сейчас знал, что от Москвитина «Кондратьев» уйдет, как ушел Колобок от бабушки с дедушкой, от зайца, волка и медведя, но судьба, хитрая, как лиса, все же настигнет его – скоро. Уже скоро!

Высветилось ему также, кто сыграет для «Кондратьева» роль той самой судьбы, и открытие это было таким странным и поразительным, что Василий непременно ахнул бы, только у него уже не осталось сил...

Из раздела «Происшествия»
газеты «Губернские ведомости»

По сведениям нашего источника в пресс-службе Нижегородского областного УВД, минувшей ночью была предотвращена попытка совершения террористического акта в одной из больниц города Дзержинска. Пациентов и персонал спасло то, что у приводящего бомбу в действие механизма сначала «залипла» пружина, а затем взрывное устройство было у террористки изъято сотрудником милиции. Напоминаем, что, по предположениям специалистов, именно эта причина («залипание» пружины) спасла 10 июня сего года посетителей московского ресторана «Имбирь» на улице 1-й Тверской-Ямской – также при попытке совершения теракта женщиной-камикадзе.

Итак, наша область по чистой случайности не прибавилась к печальному списку мест, где шахидам удалось воплотить в жизнь свои кровавые планы. Террористка-смертница, личность которой спецслужбами еще не установлена, погибла. Кроме того, имеется одна случайная жертва.

Сообщнику террористки удалось скрыться. У силовиков есть основания предполагать, что это был ее «куратор», как называют пособников женщин-смертниц, и что они оба принадлежали к трагически известной разведывательно-диверсионной бригаде чеченских шахидов «Рияадус-Салихын».

Получена информация, что «куратор» был одет в форму сотрудника милиции, однако является ли это подтверждением общей тактики террористов или было просто маскировкой в данном конкретном случае, пока не уточнено. Но, как утверждает наш источник, есть основания предполагать, что попытка совершения теракта в роддоме находится в связи с убийством сотрудников милиции на посту ГАИ на автотрассе Москва – Нижний Новгород.

Ведется расследование происшедшего, в области объявлен план «Перехват».

Продолжение записи от 15 сентября 1919 года, Петроград. Из дневника Татьяны Лазаревой

О господи, нет ничего страшнее и безнадежней, чем рыдать по невозвратному. О чем бишь я писала? Ах да, о «пошлых стихах»!

О таких обычно говорят: «И я так умею!» А еще мне не понравились в них намеки в стиле Софьи Парнок²². Увы, я не современна. Наверное, опять же из-за моей работы. Для меня, акушерки, самое важное – рождение детей, а они не рождаются от однополых связей. Значит, эти связи противоестественны и богопротивны. И что еще за змеи там разметались на солнце? Чепуха, словом.

Я, помнится, тогда пожалела, что не удалось послушать стихов той девушки с улыбкой-цветком, а потом подумала, что это очень даже хорошо, а то вдруг ее поэзия разочаровала бы меня. И я забыла о девушке-футуристке до последнего времени, пока не признала ее в милой супруге полковника Борисоглебского, с которой встретилась в Предварилке.

Она и впрямь была мила и приветлива со всеми. Она брала своими крошечными ручками тяжелые свертки и тюки – ведь в тюрьму передавали и подушки, и тюфяки – и все это терпеливо просовывала в окно. Среди принимающих передачи с той стороны – полковник Борисоглебский, именно поэтому футуристка и не отходит от окошка.

Она замечала, что я поглядываю на нее с доброжелательным вниманием, и всегда особенно мило улыбалась мне. Потом мы познакомились. К слову сказать, постоянные посетительницы немного знакомы между собой. Недавно она вдруг сказала мне – доверчиво, словно младшая сестра старшей:

– Знаете, Татьяна Сергеевна, в прошлую пятницу мой муж смог подойти так близко к окошку, что я исхитрилась протянуть ему руку, и он поцеловал мои пальцы и даже проговорил несколько слов. Ах, кабы сегодня удалось мне улучшить мгновение шепнуть Алешеньке, что дело его почти закончено, что он скоро будет дома!

– Откуда вы знаете, Анастасия Николаевна? – не сдержала удивления я.

Ее розовый рот вновь расцвел чудной улыбкой:

– Мне сказали. Мне обещали наверняка. Теперь свобода моего мужа – вопрос нескольких дней!

Я улыбаюсь в ответ на ее откровенную радость, но смотрю с недоумением. Кто мог сказать такое? Неужели этой очаровательной девочке удалось попасть на прием к одному из двух самых страшных людей петроградской Чеки, которые ведают судьбами заключенных, – к Озолину или Рончевскому? Причем из них двоих, как говорят, Озолин более человечен. Если он ведет дело, еще есть надежда переломить его ход. От Рончевского же не вырвешься... Наверное, дело Борисоглебского у Озолина. Ну что ж, дал бы бог, дал бы бог...

У Анастасии Николаевны такое чудесное настроение, что мы даже немножко отвлекаемся от реальности и болтаем о прошлом. Я напоминаю ей тот литературный вечер у княгини Юсуповой, описываю ее разноцветное платье, и Анастасия Николаевна смеется:

– Это оттого, что в ту пору меня звали Коломбиной. Потому и платье разноцветное. У нас, у поэтов, тогда непременно надо было зваться Коломбинами, Пьереттами да Арлекинами. Ужас, да?

И она заливисто хохочет, вспоминая о прошлом, хотя ужас – вот он, рядом с нами, вокруг нас. Ужас – это наше настоящее, я уж не говорю о будущем...

²² В стихах С. Парнок (1885–1933) отчетливо звучат лесбийские мотивы.

– А как называли вашу подругу, помните, с перьями и в рыболовной сети? – спрашиваю я, умалчивая, разумеется, о других приметах сей экстравагантной особы.

Лицо Анастасии Николаевны словно освещается изнутри:

– Оленьку? Ее называли Арлезианкой. Очень красиво, верно? Если не ошибаюсь, это какое-то цыганское племя... Впрочем, не помню. Хотя у нее и литературный псевдоним был прелестный: Елена Феррари. Она под псевдонимом была у нас в группе, ее настоящее имя я узнала вот только что, на днях.

– Как? – изумляюсь я. – Вы до сих пор дружите?

– Нет, мы и прежде вовсе не дружили и все это время не встречались, однако буквально два дня тому назад она вдруг...

Договорить не удастся: Анастасия Николаевна видит в окошко своего мужа, и более ничто для нее не существует!

Это было на прошедшей неделе. А нынче...

Нынче моей милой футуристки у окошка не оказалось. Разумеется, я подумала, что ее надежды сбылись и Борисоглебский отпущен на свободу. Не стану скрывать: я надеялась, что Костя через него сможет передать мне весточку. Наверное, не удалось... В любом случае нынче же пойду к Борисоглебским! Анастасия Николаевна, помнится, обмолвилась, что они живут на углу Сергиевской и Заиконоспасской улиц, в двухэтажном доме. Непременно отыщу полковника и все-все выпрошу о Косте!

С этими мыслями я подхожу к вывешенным на стене спискам. Это страшные списки! С трепетом приближаются к ним завсегдатаи приемной Предварилки – через них Чека извещает нас об участии наших близких. Как правило, напротив фамилии либо ничего не написано (значит, тот человек по-прежнему находится в тюремной камере), либо написано «отпущен» (великая редкость, за все время моих хождений в Предварилку я видела такую надпись только дважды), либо... либо там стоит «сообщат на квартиру». Это страшно. Это конец... Это означает – человек расстрелян. На квартиру никто ничего никому не сообщает, потому что сообщать больше нечего. Но самого слова «расстрел» нигде не пишут – только в приговорах, которые хранятся в подвалах Чеки. В «милосердной» Чеке, такое впечатление, служат не отъявленные головорезы, а кисейные барышни, которые морщат носики при виде той крови, которую проливают собственными же руками!

Итак, я подхожу к спискам и с сердечным замиранием веду глазами по фамилиям. Никогда не подозревала, что Лазаревых так много на свете! В одной Предварилке их заключено четверо. Нет, месяц назад их стало трое, и надпись «Сообщат на квартиру» против фамилии Лазарев С.К. едва не свела в могилу меня саму. Ведь в первое мгновение я решила, что буквы просто перепутали, что инициалы С.К. означают моего Костю... Нынче Лазарев К.С. и двое его однофамильцев значатся с прочерками, что само по себе хорошо. Ей-богу, лучше не иметь никаких известий, чем получить печальные новости! Со вздохом бросаю на список последний взгляд – и столбенею.

«Борисоглебский А.В., полковник, – читаю я, – сообщат на квартиру» .

Борисоглебский А.В.! «Алешенька», как называла его жена... Господи помилуй! Расстреляли! А как же обещание освободить? Она, несчастная, так надеялась! Так ждала!

Лицо бедняжки Анастасии Николаевны представляется мне – и я ничего не могу поделать с собой, стою перед этим ужасным списком и заливаюсь горячими слезами, хотя обычно стараюсь сдерживаться, чтобы не распотешить барышню, сидящую за окошком выдачи разрешений на передачу. У нее пухлощекая мордашка, высоко взбитые кудряшки и накрашенные губки. Какая-нибудь *содком*, наверное. Так теперь называют содержанок комиссаров. Ими становятся даже и приличные девушки: есть-то надо! Однако эта, раскрашенная, никогда в жизни не была приличной!

Кое-как дожидаюсь назначенного времени, чтобы просунуть в окошко свою жалкую торбочку с пшенной кашей для Кости, – и снова начинаю всхлипывать, когда вспоминаю, что убит человек, который заботился о том, чтобы у всех заключенных была еда. О моем Косте заботился...

Я хотела идти к Борисоглебским, чтобы узнать о брате? Теперь узнавать не у кого, но я все равно пойду к ним! Вернее, к ней. К Анастасии Николаевне. Поддержу хоть словом... Как она там, бедняжка? Как пережила это страшное известие? Сердце разрывается, когда думаю о ней. Ох, ну зачем, зачем тот человек обнадежил ее, посулил свободу мужу, посулил жизнь?! Лучше б не обещал, коли не был уверен!

Бреду пешком на Сергиевскую, угол Заиконоспасской. Трамваи, ввинтиться в которые мне иногда удается, сегодня отчего-то не ходят. А впрочем, нынче у меня нет настроения толкаться в пошлой толпе! Иду, не в силах радоваться теплему ветру и проблескам солнца меж сырых и серых туч. Все мысли о бедной Анастасии Николаевне... Какой я увижу ее? Смогу ли утешить?

Я так задумалась, что едва не попала под автомобиль. Под черный, роскошный «Кадиллак» с клаксоном, который протрубил «матчиш»²³ над самым моим ухом. За рулем матрос. Я шарахнулась, успев заметить фигуру на заднем сиденье – миниатюрная женщина в черной кожанке. Гладко причесанные черные волосы, напряженный взгляд из-под густых ресниц... Тоже *содком*? А может, сама комиссарша? В кожаных куртках абы кто не ходит.

Только тут вижу, что, оказывается, я уже стою около нужного мне дома. С замиранием сердца дергаю за цепочку звонка...

Дверь открывает седая дама. Лицо ее в красных пятнах от слез. Приглашает войти в небольшую уютную прихожую.

– Аси нет, – с трудом выговаривает она. – Думаю, что ее нет в живых.

Я прислоняюсь к стенке: ноги подкашиваются от этих простых слов.

– Я ее тетушка, – тихо говорит дама. – Вела у них с Алексеем Владимировичем хозяйство. В среду Асе стало известно, что ее муж расстрелян, хотя до этого... – Она смотрит на меня растеряннo, словно решает: говорить или нет? – До этого бедная девочка была полна надежд... ее уверили, пообещали...

– Кто? – спрашиваю я, однако этот вопрос дама предпочитает не услышать.

– В среду, – продолжает она все так же тихо, – стало известно, что Алексей Владимирович убит, и она тотчас ушла. С тех пор ее нет. Ася никогда не говорила о самоубийстве, но я знала, знала, что она не переживет смерти Алешеньки!

«В прошлую пятницу мой муж смог подойти так близко, что я исхитрилась протянуть ему руку, и он поцеловал мои пальцы. Ах, кабы и сегодня удалось!» – вспоминаю я оживленный, счастливый голос – и крепко жмурюсь, чтобы удержать слезы.

– Оставила ли она записку? – спрашиваю я.

– Буквально два слова: «Не ждите и не ищите меня», – шепчет дама.

– Но можно же узнать наверняка... – бормочу я, сама понимая, что горожу чушь. О самоубийцах не пишут в советских газетах. В советском раю не может быть самоубийств!

– Но вы пытались искать? – настаиваю я. – Вдруг она ушла к друзьям, к знакомым...

– У нее никого нет, кроме меня и брата. А он уехал, придется ждать, пока вернется. Господи, как хорошо, что хотя бы вы пришли, а то мне даже поговорить об этом ужасе не с кем!

Поговорить? Мы вообще больше не говорим. Мы стоим и убито молчим.

Самое ужасное, кажется мне, что бедная девочка была убеждена в благополучном исходе. Она ждала мужа домой! Именно крушение надежды оказалось самым страшным. Ее обманули... Невольно? Надеюсь!

²³ Название мелодии, которую издавали сигнальные рожки – клаксоны – автомобилей начала XX века.

Да, говорить тут не о чем. Тихо прощаюсь, оставив свой адрес и взяв перед уходом с седовласой дамы обещание непременно сообщить мне, если Анастасия Николаевна все же воротится или подаст о себе весть. Обе мы прекрасно понимаем, что, скорей всего, ей не придется исполнять это обещание, но все же уговариваемся. А вдруг?..

«Вдруг»... Какое прекрасное, обещающее... и какое лживое слово!

Наконец я ухожу. Дама выходит проводить меня на крыльцо и вдруг отшатывается при виде черного «Кадиллака», пронесшегося мимо. На лице ее нескрываемый ужас. Она кидается обратно в прихожую и захлопывает за собой дверь.

Странно, думаю я. А ведь это тот же самый «Кадиллак», который я уже видела несколько минут назад. Та же нестигаемая фигура матроса-шофера у руля, та же миниатюрная комиссарша, полулежащая на заднем сиденье...

Я случайно поймала ее темный взгляд, и удивительное ощущение пронзает меня. Где-то я уже видела эти черные мрачные глаза...

И тотчас вспоминаю, где. Комиссарша похожа на футуристку с крашеными сосками под рыболовной сетью! Ну, на ту самую, у которой в стихах душа, как мимоза, и еще солнце с какими-то там змеями... *et cetera, et cetera*...

Да нет, быть не может. Чепуха, бред!

Неужто та самая футуристка? Но что ей нужно возле дома полковника, убитого в Чеке, и его жены, которая покончила с собой от непомерного горя?

Стоп, стоп... А не она ли посулила Анастасии Николаевне спасти ее мужа, а потом не исполнила обещание?

Не смогла? Не захотела? Да и вообще: это она или не она? Елена, как ее там... Елена Феррари! Арлезианка!

Она? Или мне почудилось? Как бы узнать наверняка?

7 июля 200... года, Франкфурт-на-Майне, аэропорт. Валентина Макарова

Честно говоря, я думала, что меня перехватят еще в аэропорту Нижнего...

Остаток той страшной ночи прошел бы, как я понимаю, в бесконечных допросах, если бы не Марина Москвитина, которая начала-таки рожать и остановить которую не смог бы даже министр внутренних дел, президент, а также президент Совета Европы. Кроме них, полное впечатление, в наш роддом той ночью прибыли все, кто мог! Комбинезоны и мундиры всех цветов заполнили коридор. Эти так называемые силовики беспрестанно пилились в окна родилки и перебудили всех – и детей, и мамочек. Уже утром, чуть только Марину с ее новорожденной дочкой разместили в палатах, комбинезоны и мундиры взялись допрашивать меня, Виталия Ивановича, акушерку, дежурных сестер, санитарок, и этот кошмар беспрерывно длился до восьми часов, когда началась пятиминутка с новой сменой. Я кое-как, дрожащим голосом, то и дело сбиваясь, стала докладывать о состоянии всех пяти младенцев, которых мы родили за истекшие сутки: один – глупышки Нинули – умер, как и предсказывала Ольга Степановна, через три часа; другой – вернее, другая, девочка, с которой я «фокусы показывала», – чувствовала себя очень хорошо; третий, послеоперационный, находился в реанимации, но состояние стабилизировалось, с Марининым все нормально, никакой патологии нет, ребенок цыганки родился мертвым. Обычно главный страшно злится, когда кто-то «солему жует» на докладе, но тут и смотрел снисходительно, и слушал вполуха. На нас на всех, дежурных, остальные взирали как на чудом вернувшихся с полпути на тот свет, и один из приемных покоев – *тот самый!* – был еще закрыт, потому что люди, которые теперь распоряжались в нашей больнице, только сейчас разрешили санитаркам смыть кровь со стен и пола, а полночи фотографировали, снимали эти кровоподтеки на видео, измеряли что-то. Хотя что там можно измерить? Был человек – и погиб...

Короче, идет себе пятиминутка, я стараюсь ни о чем не думать, кроме как о детях, которых мы нынче родили, и вдруг меня словно по голове – по моей измученной, вторую ночь подряд не спавшей голове! – ударяет: Мать Божия, да ведь я ж с сегодняшнего дня в отпуске! И у меня сегодня в 13-00 самолет! А у меня еще вещи практически не собраны, а в аэропорту просили быть не позднее 12, ведь билет еще не выкуплен! Кроме того, аэропорт в Нижнем, а я, как известно, в Дзержинске. Вдобавок на его окраине. И мой дом, где разбросаны эти самые вещи, которые надо собрать, – на противоположном от роддома конце нашего пусть и не самого большого, но и не самого маленького города...

Голова от этого открытия у меня начинает болеть так, что на какое-то мгновение я почти теряю сознание.

Пятиминутка как раз кончается. Слава богу, сегодня она длилась хоть и не пять минут, но и не час. Главный говорит:

– Ребята, кто с дежурства! Я понимаю, что вы с ног валитесь, но вас просили еще задержаться.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...»

Мы не спрашиваем, кто именно просил. Мы и так понимаем, что песенка свободной жизни для нас спета очень надолго. Теперь нас будут швырять от одного следователя к другому, и каждый будет смотреть точно так же недоверчиво, как уже смотрели те, которые терзали нас ночью, и больше всех будут мучить нас с Москвитиным, потому что мы – хотя бы мельком, хотя бы краем глаза! – видели убийцу, пособника, как я теперь понимаю, цыганки-террористки.

Цыганки? Да какая там, к черту, цыганка! Как только она сказала «Але-лай!», я сразу поняла: не цыганка это! С чего бы ей говорить по-чеченски?

Не то чтобы я была знатоком чеченского языка... Честно признаюсь: я знаю только эти слова. Как-то раз в электричке рядом со мной оказалась грузная чеченка с целым выводком маленьких чеченят, и она почему-то пристала ко мне, как пиявка, и всю дорогу пыталась меня убедить в том, что русские относятся к ним бесчеловечно, что им пришлось уехать из родимого, но разрушенного дома в Хасавюрте и живут они теперь в Дзержинске, у дальних родственников, но это не жизнь: дом маленький, там своих двое детей, да этих четверо... Кошмар, словом.

В знак отчаяния чеченка то и дело восклицала: «Але-лай!», и эти слова отпечатались в моей памяти, словно выжженные каленым железом. Наверное, потому, что чем-то напомнили мне наше, исконное, нижегородское: «Эх-а-йяй!», которое тоже означает все на свете: и изумление, и насмешку, и ужас.

И вот вдруг беременная цыганка в полубреду тоже восклицает: «Але-лай!» Я удивилась, да. Наверное, надо было сразу что-то предпринять... Но что я могла, когда она тут же начала рожать? Да и откуда мне знать, может, это такое традиционное восклицание у всех мусульман? Хотя вопрос, мусульмане ли цыгане... А, пропади оно все пропадом, это уже не играет никакой роли. Что случилось, то случилось, но благодарение богу, что не произошло ничего худшего. Они все-таки не подорвали нас, эти ненормальные, эти поганцы... Слава богу, что Москвитин оказался таким настырным и никуда не ушел. Кто его знает, вдруг это устройство все же сработало бы! Правда, беда все же произошла, погиб тот человек, Василий...

Что-то хлещет меня по лицу наотмашь. Я вяло отшатываюсь, не слишком, впрочем, удивленная. Столько со мной всякого случилось в сумятице двух прошлых ночей, что эту пощечину я воспринимаю как еще одно проявление общего безумия. И тут мир в моих затуманенных усталостью и потрясением глазах проясняется, и я вижу, что стою почему-то не в кабинете главного, где проходила летучка, а посреди каких-то кустов. То есть меня хлестнула ветка. Еще несколько мгновений мне требуется, чтобы осознать: это не *какие-то* кусты, а свои, можно сказать, родные, потому что находятся они на задворках нашей больнички, позади кочегарки, позади куч угля, и среди этих кустов пролегает обходная тропа к автотрассе.

Минуточку. Как я сюда попала?

Опускаю глаза и вижу, что на мне мой белый халат, который я так и не сняла после летучки. То есть я как бы вышла погулять, подышать воздухом? Но почему на моем плече болтается сумка – моя торбочка, в которой лежат косметичка, щетка для волос, записная книжка и деньги, выигранные в «Супер-слотсе» и полученные в бухгалтерии отпускные? Почему я стою в кустах чуть пригнувшись и выглядываю из них так осторожно, словно боюсь, как бы меня не заметили, не поймали и не привели обратно в больницу?

И я понимаю, что так оно и есть. Я на самом деле этого боюсь. Я боюсь, что мне не удастся сегодня улететь в Париж. И в ближайшем обозримом будущем тоже не удастся. А может быть, даже никогда не удастся.

Я видела убийцу. Факт есть факт. О господи, да ведь я не помню о нем ничего, кроме того, что он был в милицейской форме и что у него бритвенные лезвия вместо глаз!

Предположим, я останусь, плюнув на все усилия подруг по организации и обустройству моей личной жизни. Но где гарантия, что этот человек не вернется, чтобы прикончить меня?

Я его видела. Москвитин – тоже, но прапорщику Москвитину защитить себя проще, чем мне. У меня никого нет. Я никому не нужна. Я – легкая добыча.

Вот, значит, чего я испугалась, а не только того, что пропадет мой отпуск и деньги я потрачу, конечно, на всякую ерунду, поскольку классно умею это делать, и срок визы кончится, и женихи мои устанут меня ждать, а Лерка обидится, что я махнула рукой на все ее усилия, и больше не станет мне помогать...

Видимо, этот страх перед новой встречей с убийцей был так силен, что под его влиянием я действовала практически в полубеспамятстве, на сущем автопилоте да еще на инстинкте

самосохранения. Я вышла с деловитым видом из больницы – меня никто не задержал, наверное, потому, что я была в халате. Ну мало ли куда может идти доктор? – И теперь стою в кустах, от которых рукой подать до проходных дворов, которыми я через две минуты доберусь до маршрутки. Полчаса ехать до дому. Полчаса на сборы. Полчаса добираться до вокзала. Час на электричке до Нижнего. Час до аэропорта. Я еще могу впритык, в последнюю минуту, успеть на самолет и улететь сегодня же в Париж!

В Париж, в Париж, в Париж...

Что будет потом, когда я вернусь? О господи, я не стану думать об этом сейчас. Я подумаю об этом завтра... В конце концов, я, может быть, вообще не вернусь!

Автопилот и инстинкт самосохранения продолжают руководить мною – до самого аэропорта, в двери которого я врываюсь с совершенно безумным видом без пяти минут двенадцать, волоча за собой чемодан и сумку, кое-как набитые, кое-как застегнутые. Вваливаюсь за стеклянную перегородку, где находится офис Люфтганзы, и под ласково-укоризненные причитания двух барышень в сине-желтых люфтганзовских косыночках получаю свой билет. Мне поспешно объясняют, как вести себя в аэропорту Франкфурта, сообщают, что у меня часовой перерыв между рейсами, так что там надо будет шустрить, не мотать по дьюти-фри, а быстренько искать gate A-54, откуда я полечу в Париж. Я вспоминаю, что gate по-английски – ворота, и таращусь на девиц в изумлении. Почему-то огромные деревянные ворота представляются мне... Деревянные ворота в самом большом аэропорту Европы?!

Но уже некогда, некогда предаваться сюрреалистическим бредням, некогда вспоминать, что слово gate обозначает еще и «вход-выход», – давно объявили посадку, а я еще не прошла регистрацию.

Мой неряшливо уложенный чемодан благополучно проезжает мимо таможенника, а вот сумка застревает в «телевизоре».

– Что там у вас, скажите, пожалуйста? – спрашивает меня наголо бритый парень. Он нормально говорит по-русски, то есть он, разумеется, русский, как и те девчонки в офисе Люфтганзы, однако в нем уже есть нечто неуловимо немецкое. Может быть, эта непривычная, *не нижегородская* вежливость – вежливость даже не слов, а манер?

Я пугаюсь потому, что не могу вспомнить, что положила в сумку. Не помню, хоть тресни! Кажется, несколько баночек красной икры, потом конфеты «Птичье молоко» Сормовской фабрики – для Лерки, которая умоляла привезти ей две, а лучше три коробки, потому что таких конфет нету в Париже... Вот только птичьего молока там у нее нету, у миллионерши, жены миллионера! А что еще в сумке? Что?!

– Слушайте, у вас там крокодил? – хихикает таможенник, весело глядя на свой экран. – Или мне чудится?

О господи, ну какая же я идиотка... Вот именно что крокодил! И не простой, а крокодил-ксилофон и одновременно каталка на колесиках, которую можно таскать за веревочку. И если нажать на кнопку на брюхе у крокодила, то глаза у него загораются, начинают мигать, да еще и музыка играет. Дело в том, что у Николь Брюн, в замужестве Понизовской, которая ищет – и даже уже нашла! – мне французских женихов, в прошлом году родилась дочка. Зовут ее совершенно сказочным именем – Шанталь, и вот этой Шанталь предназначен в подарок крокодил дивной красоты. Думаю, с подарком осечки не будет. Точно такой же крокодил был у моей Лельки, и дочка так его любила, что сначала бесконечно терла десны (зубки резались, а десны при этом чешутся) палочкой, которой надобно стучать по ксилофону, а потом дошла очередь и до крокодила: она с ним даже спала, она его на прогулки таскала... И рыдала, когда пришла пора идти в садик, и она взяла с собой крокодила, и другие дети тоже им пленились и клянчили его у Лельки... Словом, это был, как выражается моя мама, «первый человек, с которым она разговаривала».

Хорошо, что есть вечные ценности. Такие, как этот крокодил, которого я купила в «Детском мире» на улице Горького в Нижнем. Если он был хорош для моей Лельки, то небось понравится и француженке Шанталь.

Удостоверившись, что в сумке действительно «живет» крокодил, таможенник пропускает меня дальше. Чемодан уезжает по транспортеру в багаж, мне ставят штамп на паспорт в будочке пограничного контроля, а потом в числе пяти других опоздавших пассажиров, не томя ни минуты лишней в накопителе, везут в пустом автобусе к самолету.

Стюардесса – уже немка, настоящая немка с кукольным жестким личиком! – делает своим тонкогубым ротиком улыбку и быстренько рассовывает нас на свободные места. Мое законное 25 С, как я понимаю, где-то в хвосте, но тащиться туда стюардессе нет никакой охоты, и я оказываюсь одна на своем ряду. Редкостная удача! Едва дождавшись, когда мы взлетим и погаснут табло «No smoking! Fasten belts!», я устраиваюсь на всех трех креслах и засыпаю мертвым сном. И, пропустив даже обед, сплю до тех пор, пока та же стюардесса не расталкивает меня, ибо табло снова требуют: «No smoking! Fasten belts!», а это значит, что самолет готов идти на посадку в аэропорту Франкфурта.

И тут начинаются проблемы.

Почему-то я решила, что вся веселая толпа пассажиров, состоящая из нижегородцев и пермяков (наш самолет летит, строго говоря, из Перми, Нижний – просто пункт краткой посадки), тоже двинет вместе со мной в Париж, а значит, во Франкфурте я просто-напросто пристроюсь в хвост более компетентным соотечественникам и вместе с ними доберусь до gate А-54 и вскоре, словно в сказке, попаду в волшебный город Париж... Однако, когда я миновала наконец «рукав» и оказалась сразу в здании аэропорта, мои попутчики куда-то исчезли, растворились в разноголосой, куда-то спешащей толпе, заполняющей аэропорт. Каждому нужны свои ворота! В Париж, такое ощущение, никто не летит... Какие-то мгновения я чувствую себя сущей Красной Шапочкой, заблудившейся в дремучем лесу.

А впрочем, не так уж он страшен, этот лес! Стены пестрят табличками со стрелочками и выразительными надписями: А 20–40, А 41–57, В 10–30 и все такое в этом же роде. Смекаю, что, хоть «ворот» в другие города и страны здесь огромное количество, надо просто смотреть на цифры и следовать по стрелочкам.

По идее, мне следовало бы со всех ног мчаться по направлению А 41–57, а уж там искать нужные мне цифры А-54. Но до конца регистрации еще полчаса. И мне совсем не хочется провести это время в каком-нибудь пошлом накопителе, в изоляции от веселого международного шума. Во-первых, я хочу есть: ведь я не завтракала дома – некогда было! – и не обедала в самолете. Мне ужасно жаль, что проспала импортный обед, хотя одна тетка громко возмущалась потом, когда мы уже шли по «рукаву», мол, еда была кошмарно скучная и невкусная, а вторая утешала ее: дескать, Люфтганзу все ругают, немцы ведь известные скупердяи. Но мне все равно жаль обеда. Тонкогубая немочка меня не разбудила, и теперь живот у меня здорово подвело. У меня вполне есть время потратить самую малость моих заботливо сбереженных баксов и евриков на какую-нибудь еду, тут ведь полно всяких завлекательных забегаловок. Но еще больше, чем есть, я хочу в туалет. И поэтому топаю по аэропорту, высматривая не столько стрелочки с надписью «А 41–57», сколько сакраментальную стилизованную фигурку. Но когда нахожу ее, то не верю глазам: около двери в вожащенное местечко змеится очередь человек в семь!

Мама дорогая! Даже в накопителе Нижегородского аэропорта, через который я пробежала рысью, около такой же дверцы не было ни единой души! А тут, в самом большом аэропорту Европы, в самом, можно сказать, ее сердце... Позорище! Чуть поодаль еще одна аналогичная дверь, но я вижу, как то одна, то другая нетерпеливая дама, подскочив к ней, разочарованно отбегает. Второй туалет закрыт. Черт, а вдруг всем этим теткам, которые стоят в очереди, нужно *туда* надолго?!

А тут меня осеняет. Gate A-54 – на другом этаже. Определенно там должен быть свой туалет! Может быть, в нем не такая напряженка?

Гордо отворачиваюсь от очереди и топаю по нужным мне стрелочкам. Заодно прохожу паспортный контроль, о котором я совершенно забыла, и, отойдя от стеклянных будок пограничников, оказываюсь около лифтовых кабинок. Вижу уже знакомые стрелочки, рядом цифру 3 и понимаю, что путь в Париж лежит через третий этаж этого необъятного аэропорта.

Лифт открывается, там уже стоят двое или трое пассажиров, вхожу я, за мной еще какие-то люди, каждый нажимает нужную ему кнопку, дверцы закрываются – и в эту минуту раздаётся довольно громкая мелодия. Как я понимаю, у кого-то из пассажиров звонит в кармане мобильник.

Странно – никто и ухом не ведет. А между тем мобильник просто-таки заливается! Интересно, какой дурак выбрал в качестве сигнала пошлую «Ламбаду», да еще в такой кретинской аранжировке? Про «Ламбаду», кстати, раньше был классный анекдот. Глухой дед долго смотрит по телевизору, как парень с девушкой танцуют «Ламбаду», и говорит в конце концов: «Ну нет, пока они не лягут, у них ничего не получится!»

С трудом сдерживаюсь, чтобы не хихикнуть, и вдруг замечаю, что все мои соседи по лифту как-то странно косятся на меня. У них на лицах довольно кислые ухмылки, и тут я осознаю, что «Ламбада» звучит не в чьем-то гипотетическом кармане, а в моей сумке с подарками.

Нет, как это может быть? У меня ведь нет мобильного...

И тут меня пронзает догадка. Да какой, к черту, мобильник! Это не мобильник поет, а мой крокодил!

Тот самый, который лежит у меня в сумке. Видимо, ворох барахла сдвинулся, и что-то – либо банка с икрой, либо коробка с «Птичьим молоком» – случайно нажало кнопку на его брюхе, вот и заиграла музыка. Ну точно! Лелькин крокодил в свое время тоже надрывался «Ламбадой». Есть вечные ценности, я это уже говорила.

Я открываю сумку – и чуть не роняю ее, потому что крокодил не только поет, но и мигает своими выпученными глазницами. То есть еще и лампочки зажглись. Мать Божия!

Какой-то не в меру любопытный немец – а может, и кто другой, бог их тут всех разберет, иностранцев! – заглядывает в мою сумку, видит иллюминацию и начинает хихикать. Я ошупью выключаю поющего и сияющего крокодила, а потом вскидываю глаза, чтобы испепелить взглядом бестактного дойча. Видимо, у меня очень добрый и ласковый взор, потому что дяденька мигом отводит свой. Разумеется, на меня пялился не только он, но я вожу глазами, словно горгона Медуза, и все поспешно отворачиваются: две толстухи латиноамериканского типа, два аналогичных мужика, тощий долговязый альбинос – наверняка выпускник Кембриджа или Оксфорда, я англичан именно такими себе и представляла! – лоценоя дама непонятной мне национальной принадлежности с девичьей фигурой и совершенно старушечьим, морщинистым лицом... Короче, все быстренько опускают глаза, и только один человек смотрит на меня как-то недоверчиво, словно бы в растерянности. Он высокого роста, худощав, довольно смугл, у него узкое лицо, тонкие поджатые губы и темные глаза. Я его где-то видела раньше. А, наверное, он летел в одном со мной самолете, вот что. Типа, соотечественник. Как бы земляк...

Я делаю попытку неловко улыбнуться, и в то же мгновение выражение растерянности тает в его глазах, они прищуриваются и делаются похожими на два бритвенных лезвия. Возникает ощущение, что меня вот-вот полоснут по горлу...

Я цепенею. Я уже видела эти глаза! Я уже видела этого человека! Прошлой ночью, в нашем роддоме...

Неважно, что видела я его мельком. Неважно, что была ночь и я едва держалась на ногах от усталости. Как сказано в каком-то детективном романе – забыть глаза, которые смотрели на тебя поверх пистолетного дула, нельзя!

А эти глаза-бритвы смотрели на меня именно что поверх пистолетного дула. Потом человек, сжимавший в руке тот пистолет, застрелил Василия и исчез. Скрылся. Убежал...

Нет, улетел. Вместе со мной – во Франкфурт.

Боже мой! Но как он узнал, что лечу Люфтваганзой в Париж? Ведь я сама до последней минуты этого не предполагала...

В ту же секунду я соображаю, что ничего он не узнал. Он спасал свою шкуру так же, как и я. Он ринулся прочь из роддома, убегая от преследования, ринулся куда глаза глядят и куда самолеты летят. А может быть, у него пути отхода были распланированы заранее? Да какая разница! То, что мы оба оказались во Франкфурте, – безумное, жуткое, страшное, случайное, роковое, фатальное совпадение, на какие так гораздо жизнь и которые кажутся совершенно надуманными и неестественными, когда читаешь о них в какой-нибудь книге.

«Ну и загнул (или – загнула, ненужное зачеркнуть)!» – пренебрежительно говорим мы в адрес автора, когда его герои мотаются по всему белому свету и только и знай натываются друг на друга на земле, в небесах и на море, а порою и под водой, и в открытом космосе, и даже в иных мирах.

А вот лично я действительно нос к носу столкнулась в другой стране с человеком, который не убил меня только чудом. И это факт. Так распорядилась Судьба – автор романа под названием «Жизнь». И теперь у несостоявшегося убийцы есть все шансы исправить ошибку, а у меня – заполнить пробелы в своем образовании. Например, кое-что узнать о мире ином...

Господи! Зачем я полетела Люфтваганзой? Зачем я потащила в «Супер-слотс» и выиграла деньги? Зачем я спасла ворону? Все из-за нее!

Меня кто-то толкает. Лифт остановился. Люди собираются выходить. Но ведь люди – мое спасение! *Он* не будет убивать меня на глазах у всех! Наверняка загонит меня в какой-нибудь пустой угол, и тогда...

Но я не дам загнать себя в пустой угол. Я ни на минуту не должна оставаться одна!

Я отпихиваю выпускника Кембриджа и не в меру любопытного дойча, наступаю на ногу latinoамериканской толстухе и первой выскакиваю из лифта. Господи, где там мои стрелочки, мои буковки и циферки? Лечу что было сил по коридору – точной копии того, откуда я только что прибыла, даже очередь в туалет совершенно такая же! И вдруг вижу надпись: «А-54».

Вот и стойка регистрации. «PARIS, 4940» – значит на табло. Это номер моего рейса. Место моего назначения. Вот он, вход (вернее – выход, спасительный выход!) в Париж!

Оглядываюсь – но бессмысленно искать в толпе моего преследователя. Он отнюдь не пыхтит за мной след в след, наставив на меня пистолет. Он затерялся среди людей, и на какой-то миг мне даже начинает казаться, что все мне привиделось: бритвенные лезвия его глаз, мгновенное изумление на узком сухом лице, которое враз сменилось жуткой радостью людоеда...

Это не сон. Нет, к сожалению, не сон. И то, что случилось прошлой ночью, – случилось наяву.

Где он? Где мой преследователь, убийца? А может быть, он потерял мой след? Отстал?

Подбегаю к стойке, сую очередной люфтваганзовской даме билет, проскакиваю контроль безопасности. На сей раз крокодил не вызывает никакого интереса, и слава богу. Скорей бы в спасительный накопитель!

– Куда мне идти? – спрашиваю на своем весьма условном английском.

– Присядьте здесь, – отвечает служительница (ее произношение не в пример лучше моего), обводя широким жестом несколько кресел, которые окружают стойку. В креслах уже сидят десятка два людей с сумками. Не сразу соображаю, что они тоже летят моим рейсом и ждут, когда начнется посадка.

Боже ты мой! В этой несчастной Европе даже накопителя нет! И если убийца и потерял мой след на какие-то минуты, то он очень быстро его отыщет. Да и след ему никакой не нужен. Вот она я, собственной персоной, на виду! В панике озираюсь – и вижу чуть невдалеке от

стойки дверку с той самой фигуркой, около которой нынче во Франкфурте такой нездоровый ажиотаж. И никакой очереди!

Вбегаю в туалет и запираюсь в кабинке. Сначала меня так колотит, что я едва не забываю воспользоваться ситуацией. А потом сижу в кабинке, затаюсь и дрожа: а если он ворвется в туалет и убьет меня здесь, на унитаза?

Позорно, ужасно!

Но обошлось: минут через пять объявили посадку на мой рейс. Пулей вылетаю из туалета и – бегом в самолет. Чуть ли не первая плюхаюсь на свое место и пристально оглядываю пассажиров, которые тоже намерены лететь в Париж. Самолет небольшой, салон в нем один, поэтому никто не минует моего настороженного ока.

«Ну и что ж ты будешь делать, подружка, если все же увидишь его здесь?» – несколько раз спрашиваю я себя, вполне готовая впасть в истерику. И не нахожу ответа.

Время идет. Все сели, уже светятся заветные табло: «No smoking! Fasten belts!» Стюардессы знакомят с правилами поведения в аварийной ситуации, командир корабля мурлычет не только по-немецки и по-английски, но и по-французски, и это действует на меня успокаивающе. Все нормально, все спокойно! Его нет, его нет, его нет...

Значит, Судьба-автор решила, что два совпадения подряд за такой короткий промежуток времени – слишком большая натяжка. Таким образом, у меня еще есть время пожить. Если он потерял мой след и не знает, что я полетела в Париж, есть шанс пожить подольше. Все же есть!

Стюардессы почти без передышки снуют туда-сюда с напитками: кофе, чай, вино, виски, пиво, минеральная вода, – а потом разносят пакеты с крошечными рогаликами и сэндвичами с мясом или сыром. Мне достаются рогалики, проглатываю их в одну секунду и жалею, что их так мало. Но не станешь же тут просить добавку!

Ну, если я заговорила о добавке, то, стало быть, пациент скорее жив...

Кажется, я ускользнула от убийцы второй раз. И если мне удастся зацепиться за какого-нибудь мсье в Париже... Точно, мне обязательно нужно остаться во Франции. Любой ценой! Пусть убийца ищет меня в аэропорту, пусть возвращается в Россию – меня там больше нет. И, надеюсь, не будет. Лельку мне родители привезут, если что.

Нет, едва ли этот гад вернется в Россию. Знает же, что его ищут, террориста проклятого!

А вдруг он хочет совершить очередной теракт во Франкфурте?

О господи, но меня-то там уже нету! Нету! Я лечу в Париж. И, может быть, по милости божьей никогда больше не увижу эти страшные глаза?

А если увижу, то хотя бы не очень скоро?..

10 мая 1793 года, замок Сен-Фаржо в Бургундии, Франция. Из дневника Шарлотты Лепелетье де Фор де Сен-Фаржо

Иногда мне хочется спросить господина – чем его прогневила наша семья, почему он обрушивает на нас все новые и новые испытания? Или мы продолжаем отвечать за грех моего брата, предавшего не только всех нас и свое сословие, но и короля, и веру, и отечество свое? Однако, если рассуждать логически, как нам советуют господина философы, именно господина попустил Луи-Мишель встать на путь предательства, ведь все в руках господина нашего. Хорошо, предположим, вскоре Творец спохватился и послал поперек пути «гражданина Лепелетье» своего карающего ангела в лице королевского гвардейца Пари. Однако что происходит потом? Умирает глава нашего рода – мой отец. Теперь умерла жена Луи-Мишеля, и я не могу понять, что стало причиной скоротечной чахотки, в три месяца сведшей в могилу молодую, цветущую женщину: то ли гибель мужа, то ли его позорная слава. Король... наш король казнен! Говорят, скоро настанет черед королевы, которая еще томится в Консьержери ²⁴. А недавно пришло известие, что Пари, по пятам которого так и рыскали эти кровавые псы – революционеры, гнавшие его беспощадно по всей Франции, не давая передышки, не вынес больше жизни льва, затравленного шакалами, – застрелился в какой-то жалкой гостинице в провинции. Ну что ж, это поступок настоящего мужчины: он не позволил революционерам насладиться новым мерзким представлением, подобием того, кое они учинили, обвиняя французского короля во всех грехах, содеянных его предками. Да, Пари поступил как истинный дворянин... Но как все это попустил господина?!

Помню, еще в детстве, читая в Библии о страданиях Иова, я восхищалась его терпением – и ужасалась жестокости бога, который решил подвергнуть таким испытаниям одно из любимейших чад своих. Но глубоко внутри я была уверена, что в жизни так не может быть. «Все истории Священной книги выдуманы для нашего исправления, для назидания, – размышляла я про себя. – Ни один человек не в силах выдержать столько испытаний и не возроптать на Творца!»

Странно: жизнь избавила меня от многих детских и юношеских заблуждений и иллюзий, однако несправедливость господина по отношению к людям достойным ранит душу по-прежнему...

²⁴ Тюрьма для государственных преступников в Париже, на острове Сите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.